

ВЕСТНИК

МГУ им. М.А.Шолохова

Sholokhov Moscow State University
for the Humanities

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Москва
2011

УДК 93/94
ISSN 2219-3987

3.2011

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. Шолохова**

Издается с 2010 г.

Серия «ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ»

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Московский
государственный
гуманитарный
университет
им. М.А. Шолохова

**ПИ № ФС 77–19007
от 15.12.2004 г.**

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18

Интернет-адрес:
www.mgou.ru

Редакционная коллегия
И.Г. Жиряков (*гл. редактор*),
А.И. Юрьев (*зам. гл. редактора*),
А.А. Орлов (*отв. секретарь*),
В.Д. Нечаев, В.И. Шерemet,
В.В. Панферова, А.В. Миронов

Электронная версия журнала:
www.mgou.ru

Содержание № 3 | 2011

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Крайнова Л.Н.*
Административное устройство и хозяйственная деятельность ламаистских дацанов в Восточной Сибири в середине XIX – начале XX вв. в соответствии с «Положением о Буддистах Восточной Сибири» 1853 г. 5
- Шматова М.Б.*
Оценка журналом «Набат» анархистского течения в русском революционном движении 11
- Андреева Е.А.*
Архитектурное отделение Императорской академии художеств в конце XIX века 18
- Долгоаршинных Н.А.*
История художественного образования в России и Международный союз учителей рисования (начало XX в.) 23

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ

- Маланова А.В.*
Маньчжурские органы управления русско-монгольскими отношениями в XVII–XIX вв. 31
- Шимонова Н.В.*
К вопросу о подготовке Голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России 36
- Суржик Д.В., Кульков Е.Н.*
Оккупационная политика агрессоров и планы уничтожения Советского Союза 47
- Купряжкин Д.А.*
Тенденции развития финансовой системы Европейского Союза: опыт Европейского центрального банка на открытом рынке в конце XX века 70

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Балашова М.В.*
Общественное участие на местах как драйвер социальной модернизации 75
- Василенко Т.А.*
Современные проблемы развития человеческого потенциала в России 81

<i>Купцова И.А.</i> Культурная политика и потенциал самоорганизации российской провинции	87
<i>Морозова О.С.</i> Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении	104
НАШИ АВТОРЫ	109
CONTENTS	111
ПАМЯТКА АВТОРУ	115

Л.Н. Крайнова

Административное устройство
и хозяйственная деятельность
ламаистских дацанов в Восточной Сибири
в середине XIX – начале XX вв.
в соответствии с «Положением о Буддистах
Восточной Сибири» 1853 г.

На основании документа «Положение о Буддистах Восточной Сибири» 1853 г. объясняется порядок управления ламаистскими дацанами на данной территории в XIX – начале XX вв. «Положение» 1853 г. регламентировало количество, порядок выбора и назначения ламаистских священников на должности, их подчинение светской власти. Также были введены жесткие ограничения и правила постройки дацанов и ведения их хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: «Положение о Буддистах Восточной Сибири» 1853 г., Буддийское духовенство, Бандидо Хамбо, Ширетуи, гелуны, гелуцы, дацаны, сумэ, хозяйство дацана, староста дацана.

Значительное влияние на жизнь бурят Иркутской губернии и Забайкальского края в XVII–XIX в. оказывала ламаистская церковь. Дацаны являлись центром религиозной, культурной и экономической жизни для местного населения. Что же представлял собой в XIX в. ламаизм как административно-социальная структура Восточной Сибири?

Об иерархическом и хозяйственном устройстве ламаистских дацанов рассказывает документ «Положение о Буддистах Восточной Сибири», регламентирующее основные сферы жизни ламаистского духовенства и хозяйственно-административной жизни дацанов. Данный правительственный документ был составлен в 1853 г. «на основе проекта,

разработанного генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, и данных, представленных рядом правительственных чиновников. Основная задача «Положения о буддистах Восточной Сибири» – «отрегулировать взаимоотношения центральной и местной власти с бурятским ламаистским духовенством» [1]. Кроме того, данным документом «положены преграды у бурят к беспорядкам», которые имели место быть «между духовенством сего народа». Еще одной причиной ведения в действие данного Положения явилось «чрезмерное размножение числа духовных от безнужного поступления в сие звание мирян, в явный ущерб материальному и нравственному благосостоянию большей массы населения, побудило Правительство принять меры к возможному уменьшению числа... духовенства» [3, л. 1]. Впоследствии, в 1905 г., документ был пересмотрен и изменен в нескольких пунктах, которые касались судебных вопросов внутреннего характера. Важность этого документа для Восточной Сибири объясняется тем, что до революции эта территория являлась центром распространения буддизма в России. Поэтому именно здесь был составлен документ, который должен был регламентировать религиозную деятельность ламаистского духовенства, авторитет которого был очень высок среди местного населения, и не считаться с этим авторитетом царское правительство не могло.

Положение 1853 г. утвердило 34 дацана и 285 штатных лам при них, 2 должности – Хамбо-лама и ширетуй (настоятель монастыря) [1].

В соответствии с данным Положением все духовенство Восточной Сибири делилось на шесть степеней. Во главе верующих буддистов стоял Бандидо Хамбо, который заведовал религиозными делами, дацанами и ламами [4, § 2, п. 1]. Бандидо Хамбо подчинялся «...непосредственно Департаменту иностранных исповеданий Министерства Внутренних Дел, а отчетностями обязан перед Военным губернатором и Генерал-Губернатором» [Там же, § 5]. На него не только возлагалось управление и заведование буддийским духовенством, но ответственность за надлежащее исполнение всех пунктов данного Положения [Там же, § 6].

Избирался Бандидо Хамбо из трех претендентов. Важным условием для занимаемой должности были не только необходимые для этого знания и качества, но и обязательное владение русским языком [Там же, § 8].

Это условие, казалось бы, естественное для сегодняшнего дня, в конце XIX – начале XX вв., было весьма проблемным явлением, т.к. буддистскими священниками были либо выходцы из местного населения, которые русским языком не владели или владели плохо, либо монгольские ламы, которые читали по-монгольски и по-тибетски, но не владели русским языком. Об этом говорит и тот факт, что многие документы,

хранящиеся в архиве и касающиеся переписки ширетуев и лам, как правило, написаны одной рукой (одинаковый почерк, нажим пера, цвет чернил), подписи же под ними разные и выглядят так, как будто человек, поставивший подпись, не умеет писать, или пишет, как ученик младших классов: старательно выводя первые буквы и уставая на последних.

Выборы Бандидо-Хамбы проходили в городе Верхнеудинске (современный центр республики Бурятия – Улан-Удэ). Они производились лицами, которые избирались из прихожан каждого дацана, «без различия инородческого и казачьяго сословий, одного духовного и одного светского почетного представителей, уполномоченными ламами и прихожанами данного дацана, имеющими законную доверенностью» [4, § 8].

В подчинении Бандидо Хамбо находились все дацаны и ламаистское духовенство. Во главе каждого дацана стояли ширетуи, которые, как и ламы, находились в непосредственном подчинении Бандидо Хамбы Ламы [Там же, § 17]. На него возлагалось заведывание своим дацаном и управление подчиненными ему ламами, «а равно проживающими при дацанах светскими лицами, исполняющими религиозные обеты: гелуна, гелуца и варма рабжуна, чтобы в точности ими исполнялись правила настоящего положения» [Там же, § 16].

Стоит отметить, что роль Бандидо-Хамбо в жизни местного населения была столь высока, что со стороны русских властей, в соответствии с «Положением о ламайском духовенстве», он приравнивался к архиереям православного духовенства. Бандидо Хамбо предоставлялось право собирать в духовном правлении съезды из ширетуев всех вверенных дацанов и светских почетных представителей от каждого ведомства для обсуждения важных религиозных вопросов и хозяйственных нужд бурят [Там же, л. 11–11 об.].

Следующим по значимости в ламаистском духовенстве были ширетуи-ламы, которые являлись настоятелями монастырей. Назначались ширетуи «из среды лам всех дацанов в совокупности» [Там же, § 14], их представление и распределение по дацанам зависело от усмотрения Бандидо Хамбы [Там же, § 13]. Ширетуи утверждались в должности генерал-губернатором, с выдачей диплома, по непосредственному представлению Бандидо Хамбы Ламы [Там же, § 15]. По соотношению с православной иерархией ширетуи по своему положению приравнивались к протоиереям. В обязанности ширетуев входило не только заведыванием своим дацаном, на них также возлагались управление и ответственность за подчиненных ему лам и других проживающих при дацанах лиц, исполняющих религиозные обеты: гелуны, гелуцы, варма рабжуны (монашеские степени в ламаистских монастырях) [Там же, § 16].

Помощником и заместителем Ширетуев являлись чоржи [4, § 2, п. 3], он же, в случае болезни или отсутствия ширетуя, исполнял религиозные обряды у мирян [Там же, § 18].

Все остальные должности в дацанах: чоржи – помощник ширетуя, ловбоны – проповедники, гывгон и вумзады, за исключением ширетуев, утверждались в должности по приказу Бандидо Хамбы, от усмотрения которого и зависело распределение их по дацанам, повышение и перемещение их из одного дацана в другой [Там же, § 19].

«Если возведение степени последует неправильно, то получившее повышение лицо обращается в первобытное его звание, а лицо, повысившее его, как нарушитель Высочайше утвержденных законов, придается суду, для привлечения к уголовной ответственности» [Там же, § 30].

Все ламы, согласно религиозному учению, должны были совершать хоралы в дацанах и сумэ, а также исполнять духовные потребности мирян по приглашению вне дацанов, проповедовать благоразумный образ жизни [Там же, § 20]. Все остальные должности, связанные с культовыми и финансовыми делами монастырей, считались вне закона [1].

При каждом дацане содержалось определенное штатом количество лам и учеников. Принимать учеников или лам сверх штата дацана строго воспрещалось [4, § 29]. Новые ламы из числа учеников школы при Гусино-озерском дацане зачислялись на вакантные места в штат любого дацана [1]. Ламы и проживающие при монастырях миряне, которые дали обет гелуна, гецула и варма-рабжуна, должны были носить одежду, соответствующую присвоенным религиозным учением степеням, по возможности из дешевых материй, «дабы не обременять своих родителей и родственников» [4, § 36]. Однако вне стен монастыря не возбранялось ношение светской одежды.

Положение 1853 г. запрещало строить новые дацаны, производить сбор средств и расходовать их на культовые нужды без подачи специальных ходатайств, утвержденных местными бурятскими властями, генерал-губернатором и Министерством внутренних дел в Петербурге [1]. Постройка каждого нового дацана согласовывалась с министром внутренних дел через местную администрацию по ходатайству Бандидо-Хамбы. На каждый дацан предоставлялся план, смета расходов с обоснованием постройки и расходов, связанных с оной. Сумма расходов на строительство должна была быть такой, чтобы не быть обременительной для прихожан [4, § 34]. Всякая пристройка к дацану производилась после согласования и с разрешения военного губернатора Забайкальской области. Ремонты, изменение планов дацанов и сумэ осуществлялось с разрешения Бандидо Хамбо [Там же, § 30]. Произвольная постройка дацанов

и сумэ воспрещалась, в случае обнаружения таковых они подвергались уничтожению, а виновные предавались суду [4, § 35].

Каждый дацан имел в собственности определенное количество десятин земли «из инородческих, казенных пустопорожных и Кабинетских земель того уезда, в котором таковые находятся» [Там же, § 49]: Бандидо-Хамбо отводилось 500 десятин, ширетуем – по 200, ламам – по 60 и ученикам – по 15 десятин.

Количество земли, принадлежащей дацану, и ее качество могло быть разным. Например, при Аларском дацане имелось «отмежованной земли: удобной 1115 десятин и неудобной 9 десятин 2215 сажень, а всего 1124 десятины 2215 сажень» [5]. Данный надел был разделен на 7 участков, которые включали в себя территорию непосредственно самого дацана, покосы, пашни, лесные зоны (в том числе и дровяной лес), ручьи, пастбища. Большая часть земли отдавалась в аренду на сроки до 40 лет. За год монастырь «через отдачу в аренду земли» получал дохода 138 рублей [Там же].

Духовные лица не должны были иметь никакой собственности и содержаться должны были, как и дацаны, за счет пожертвований мирян. При вступлении в ламаистское духовенство послушник должен был отказываться от всего своего состояния в пользу родителей или иных родственников [4, § 47, 48]. Если же лицо духовного звания не соглашалось лишиться собственности, то оно должно было выбыть из духовного звания в светское [Там же, § 50]. Такие случаи не являлись исключением. Как правило, в монастырь старались попасть младшие сыновья, для которых получение наследства было маловероятным. Но в случае смерти старшего брата младший отказывался от духовного звания, т.к. оставался «единственной поддержкой ... дряхлого отца и опорой его в ведении обширного хозяйства; вследствие чего... принужден выйти из духовного сословия» [2].

Заведовали «как движимым, так и недвижимым» имуществом дацанов старосты, которые избирались на три года из среды прихожан. Должность эта была не только почетна для мирянина, но и весьма ответственна, ответственна настолько, что выбранный претендент утверждался на данную должность военным губернатором Забайкальской области [4, § 51]. Староста находился в подчинении ширетуя. В его обязанности входила охрана всего имущества, а также ежемесячный учет всех доходов лам и дацана [Там же, § 52].

Хозяйство, находящееся при каждом дацане, безраздельно принадлежало всей общине, к которой относился дацан, и находилось в заведывании ширетуя [Там же, § 54].

Денежные доходы дацанов или сумэ, которые складывались из добровольных пожертвований мирян, продажи религиозных предметов, фиксировались в специальной книге. Интересен тот факт, что полученный капитал ламы и миряне имели право, с общего согласия, положить в Государственный банк под проценты, пустить в ход в торговом предприятии или же учредить при дацане общественный банк, получая в год не более 12%. Полученные таким образом доходы советом мирян и духовных лиц расходовались на нужды дацана или сумэ или шли на субсидию неимущим мирянам, проживающим при дацанах для исполнения религиозных обетов [4, § 55]. Денежные доходы каждого дацана делились на 10 частей и распределялись следующим образом: 10% отсылалась раз в год, 1 января, ширетугем каждого дацана Бандидо-Хамбе на его содержание и покрытие канцелярских доходов, 20% поступали в пользу ширетугев, 30% отпускалось на содержание дацанов и канцелярские расходы при них, остальные же 40% делились между ламами [Там же, § 56]. Доходы, полученные от пожертвований и приношений, не шли в дележ на содержание лам. Такие расходы, как наем сторожей, отопление, освещение, свечи, курительные вещества для дацанов или сумэ, миряне по совместному решению, которое фиксировалось в инородческих управлениях, покрывались сбором от 5 до 10 копеек с каждой души [Там же].

С момента принятия «Положения о Буддистах Восточной Сибири» (17 сентября 1905 г.), было решено перевести канцелярию Бандидо-Хамбо в правительственное учреждение, которое именовалось «Духовное направление Буддийского духовенства». Возглавлял данное учреждение непосредственно сам Бандидо Хамбо [Там же, § 64].

Таким образом, ламаистские дацаны, широко распространенные в Иркутской и Забайкальской губерниях, имели довольно сложное административное и хозяйственное устройство. Они имели большое влияние на жизнь бурятских общин, и, в свою очередь, зависели от них. Дацаны являлись центром не только духовной, но и административно-хозяйственной жизни местного населения.

Библиографический список

1. Жуковская Н.Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири. URL: <http://dhamma.ru/dict/dicti-P.htm> (дата обращения: 14.08.2011).
2. Дело об увольнении в отпуск разных лиц ламайского духовенства // Государственный архив Иркутской области. Ф. 25 (Канцелярия Иркутского Генерал-губернатора). Оп. 10. Д. 223. Картон 995.
3. Дело по отношению Министра Внутренних Дел с препровождением двух проектов профессоров Попова и Васильева об устройстве ламайского

- духовенства // Государственный архив Иркутской области. Ф. 24 (Главное управление Восточной Сибири). Оп. 9. Д. 32. Картон 1735.
4. Копия положения и переписка о Буддистах Восточной Сибири // Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 30. Д. 41. Картон 1395.
 5. Отчет о состоянии Аларского дацана Балаганского округа Иркутской губернии за 1890 г. // Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 42. Картон 986.

М.Б. Шматова

Оценка журналом «Набат» анархистского течения в русском революционном движении

В данной статье проанализированы оценка редакции журнала «Набат» положения анархистов (сторонников М.А. Бакунина) в революционном движении, особенность использования публицистами журнала программных документов и теоретических работ анархистов. Мотивация такого отношения редакции «Набата» к анархизму обуславливалась антиэтатистской направленностью его революционной концепции, отрицанием его идеологами ценности всякого государства.

Ключевые слова: журнал «Набат», П.Н. Ткачёв, М.А. Бакунин, русский анархизм, антиэтатизм, революция, социализм, государство, диктатура.

Журнал «Набат», издаваемый П.Н. Ткачёвым, вел непрерывную полемику с представителями русского анархизма. Во главе последнего течения стоял, как известно, М.А. Бакунин – «апостол» анархизма, идеолог бунтарского направления в России [2, с. 67–73; 3, с. 103–104].

В 1873 г. в работе «Государственность и анархия» Бакунин изложил свою антиэтатистскую концепцию и вопросы о средствах достижения социальной свободы. Для него, как, впрочем, для большинства народников, социальные вопросы стояли выше политических. Государство в целом он рассматривал как наследие прошлого, как «зло» для трудящихся масс. Деспотизм государства подавил личность и крестьянский

мир. Функция подавления личности была присуща, по мысли Бакунина, любому государству, независимо от его формы. «Никакое государство, – писал Бакунин, – как бы демократичны ни были его формы, хотя бы самая красная политическая республика, народная только в смысле лжи, известной под именем народного представительства, не в силах дать народу то, что ему надо, то есть вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства, опеки, насилия сверху, потому что всякое государство, даже самое республиканское и самое демократическое, в сущности своей не представляет ничего иного, как управления массами сверху вниз, посредством интеллигентного и поэтому самому привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ» [1, с. 23].

В России 1870-х гг. развитие капитализма грозило уничтожением общины. Поэтому практические задачи, согласно Бакунину, сводились к тому, чтобы помочь крестьянству организовать себя, снабдить его оружием, найти народных вожаков и призвать к восстанию. Затем народ, являвшийся стихийным социалистом и борцом, сам не только расправится с деспотичным государством, но и установит новые общественные отношения – федерацию общин в деревне и артелей в городах, которые будут жить, свободно обмениваясь между собой продуктами своего производства. Бакунизм пришелся по душе многим из среды оппозиционно настроенной молодежи, отвечая ее народническим взглядам на крестьянство России как движущей силы будущей революции. Русским бланкистам Бакунин и его сторонники адресовали упрек в том, что они пропагандируют «антинародный» характер революции, делая ставку на меньшинство, на выходцев из «привилегированных слоев общества».

Каков же был ответ журнала П.Н. Ткачёва на эту критику, насколько публицистика «Набата» отразила глубину идейных расхождений с анархистами? С этой точки зрения интересна опубликованная в журнале статья Ткачёва «Революция и государство». «Нас уверяют в высокомерном отношении к народу, – писал Ткачев, – вы хотите, говорят нам, сделать революцию, может быть, и для народа, но без народа. Вы хотите, чтобы мыслящее, интеллигентное меньшинство насильственно навязало ему свои идеалы, распяло бы его на прокрустовом ложе своих книжных теорий, одним словом, вы стремитесь не к революции народной, не к революции, идущей снизу вверх, а к революции барской, революции сверху вниз. Потому-то для вашей революции и необходимо государство во всеоружии власти, необходимо именно то, против чего мы боремся, что мы считаем одной из основных причин существующего социального зла» [11, с. 5–6]. Защищая свою теорию, Ткачёв пояснял, что значительный

процент революционного «меньшинства» состоит из т.н. разночинцев, т.е. людей, вышедших из эксплуатируемых, разоренных и задавленных классов общества; даже и те революционеры, которые по рождению своему принадлежали к привилегированной дворянской среде, не могут быть названы «буржуазными революционерами», т.к. они изнутри знают народную жизнь и ставят «народные идеалы» выше своих «личных амбиций» [11, с. 8–10].

В задачу «Набата» входила критика агитационных призывов анархистов к молодежи с целью поднять народ на восстание. В статье «Анархия мысли» 1875 г. Ткачёв заметил противоречие в позиции Бакунина, который утверждал, что никакие яростные революционеры не способны сделать ничего для народа, т.к. только сам народ сумеет изменить свою жизнь. Но он же призывал молодежь к агитации в деревне и был убежден, что из-за тяжелого положения крестьян ей «ничего не стоит поднять любую деревню», объединить разъединенный народ, что составляло «главный недостаток, парализующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание». Ткачёв выделил большой фрагмент из брошюры Бакунина для обоснованности контраргументов своего комментария. «Нужно, говорят анархисты, связать лучших крестьян этих деревень, волостей и по возможности областей»; затем «надо убедить их, а через них если не весь народ, то, по крайней мере, значительную и наиболее энергичную часть его, что для целого народа, для всех деревень, волостей и областей в целой России, да также и вне России, существует одна общая беда, а потому и одно общее дело». Наконец, «необходимо, чтобы села, волости и области связались и организовались по одному общему плану». Но и это еще не все. «Прямая обязанность нашей революционной молодежи – противодействовать недостаткам народного идеала и употребить все усилия, чтобы побороть их в самом народном сознании». Недостатки эти заключаются в «религиозном и политическом фатализме русского народа», в его привязанности к «патриархальному складу жизни» и, наконец, в его чересчур «коммунистических воззрениях на отношения лица к миру, общине» [6, с. 35].

Специфику народного сознания, выявленную анархистами, редактор «Набата» не отрицал и даже еще более сгущал краски. Он считал, что в крестьянской общине нет ничего такого, что бы могло двинуть ее вперед или назад; все ее элементы находятся в устойчивом равновесии. Вот почему она почти не изменилась в течение нескольких веков. «Положительные идеалы нашего крестьянства еще не революционны; они не могут быть идеалами революции» [10, с. 5–6]. Исходя из этого, Ткачев отрицал целесообразность воспитания народа и агитацию к бунту

в его среде. «Разве дело революционера воспитывать народ? Мало того, если бы даже наши революционеры считались не десятками и сотнями, а тысячами и миллионами, разве бы они могли осуществить это? Чтобы перевоспитать народ, для этого потребуется работа многих поколений, многих десятков лет» [6, с. 31]. «Набат» оценивал расчеты бакунистов на ускоренное восстание народа как бесперспективные и утопичные. Такая тактика, по его оценке, также вредна, как и теория пропагандистов. Кроме того, он указал и на другие противоречия анархистской идеи. С одной стороны, они советуют молодежи «убеждать народ во вред всякого господства, всякого авторитета, всякой власти», развивать в нем сознание «личного права», с другой, – рекомендуют сплотить разрозненный «крестьянский мир в одно целое», подчиняющееся единому общему руководству, преследующее единую общую цель. Нельзя, утверждал Ткачёв, заставить народ поверить, что всякая власть «портит всякое дело», и в то же время привести его к сознанию необходимости подчиняться для успеха революционного движения «какому-то общему, единому руководству, какой-то власти» [Там же, с. 30]. Любая организация, о которой пишут анархисты, по мнению Ткачёва, приведет к федералистским или центристским началам, что не соответствует идее безвластия, защищаемой анархистами. «Набат» призывал молодого человека, увлеченного идеями Бакунина, выйти из «тенистого болота анархии на твердую почву, а то, пожалуй, ты увязнешь в нем по уши!» [Там же, с. 32].

Затрагивая ключевой в «теории заговора» вопрос о власти, Ткачёв доказывал ее значение для дела революции: обладая властью, «меньшинство» может заставить «большинство» – то «косное, рутинное большинство», которое не доросло еще до понимания необходимости революции и не уяснило себе ее цели и задачи, – заставить перестроить свою жизнь согласно с его истинными потребностями, согласно с идеалом наилучшего и «справедливейшего общежития». Лишенное власти, оно будет лишено и всякого влияния. Неумелое и неразвитое большинство, предоставленное само себе, восстановит «старый порядок под новой формой» [11, с. 5–8]. Власть необходима и потому, что иначе возникает хаос. «Набат» адресовал вопрос анархистам: что они будут делать после свершения революции – сидеть сложа руки или «добиваться влияния силы, то есть власти, то есть того, от чего теперь вы отрешиваетесь?» [Там же, с. 9]. Найти «золотую середину», рассуждал редактор «Набата», здесь практически невозможно, ибо она приведет к децентрализации. «Революционное меньшинство, распавшись по отдельным, самостоятельно действующим общинам и городам, волей-неволей и почти неприметно для себя должно будет подчиняться местным влияниям, то есть тому самому

большинству, которое насквозь пропитано рутинными традициями, которое чувствует инстинктивное уважение к старине и, постоянно обращая свои взоры на прошлое, ищет в нем руководящих идеалов и образцов для настоящего» [11, с. 10–11].

«Набат» усиливал критику анархистов при оценке их позиции в отношении международного революционного движения. На Гаагском конгрессе (2–7 сентября 1872 г.) группа анархистов выступила против всякого насильственного переворота и создания боевой организации. «Они, – писал Ткачёв, – возводят принцип индивидуализма в основной принцип своей программы» и тем самым устраняются от всякой политической агитации. Анархисты утратили веру в бунтарский дух народа, т.е. в свою доктрину, поэтому не могут вести практическую революционную деятельность, как и немецкие «доктринеры-легалисты» [7, с. XIII]. Таким образом, «Набат», упрекая бакунистов в потере лица, утверждал мысль о их неспособности продуктивно влиять на международный революционный процесс. Но Ткачёв не затронул более глубоких причин раскола в Интернационале, т.к. принадлежал к русским социалистам-народникам. Марксистское учение о диктатуре пролетариата, составлявшее основу программной доктрины I Интернационала, было одинаково чуждо русским бланкистам, анархистам и пропагандистам (лавристам).

Ткачёв использовал «Набат» в целях критики идеала будущего, сформулированного приверженцами учения Бакунина. Рассматривая работу анархистов «Общественная служба в будущем обществе. Две записки, представленные на брюссельский конгресс Международной ассоциации рабочих» [8, с. 574], Ткачёв анализировал суть анархистской модели послереволюционной организации общественной жизни. Эта суть определена понятием «федерализм», под которым бакунисты понимали «свободную федерацию свободных и совершенно самостоятельных общин или добровольные союзы производительных групп», т.е. групп рабочих известной профессии, живущих на известной территории, составляющих как бы ячейку будущего общества; союз этих групп образует общину; союз общин – федерацию или государство» [5, с. 14].

Какие службы должна включать в себя такая федерация? Ответ на него анархисты не дали. Вероятно, рассуждал Ткачёв, «община будет пользоваться самой широкой автономией во всем, что касается ее внутреннего управления, ее общественного и экономического благоустройства, иными словами, что большая часть общественных служб будет находиться в ее исключительном заведовании» [Там же, с. 15–16]. Получается, что между общинами не существует никакого единства. Разобщенность общин приводит к полному разъединению, и в одном большом государстве будет

существовать множество государств, никак между собой не связанных. Такая община, утверждал он, не может иметь никакой реальной силы, соответственно, такое государство не может привести ни к какой социалистической революции. Эта революция свершится только тогда, когда большинство в этом государстве проникнется революционными идеями и желанием осуществить идеи революции на практике. Когда это может произойти, неизвестно. Все это, как обычно, откладывалось на длительный неопределенный срок [5, с. 14–16].

Однако анархисты допускали, что первоначально, пока не стабилизируется обстановка и все революционные идеалы не устоятся, на переходный период должно установиться авторитарно-диктаторское государство, только потом власть перейдет к общинам и будет организована на федералистских началах. Ткачѳв, проанализировав такое умозаключение, сделал следующее обобщение: «Этот гермафродитизм анархического государства», это видимое противоречие принципов, лежащих в его основе, логически обуславливается тем «ненаучным, произвольным методом», при помощи которого оно строилось. Вместо того чтобы начать сначала, т.е. с той «отправной точки», какую должно быть государство авторитарное, «социалистически-революционное», и затем показать, как постепенно, по мере «устранения препятствий, лежащих на пути к освобождению рабочего класса», это государство будет вырождаться в общину, коммуны, как одна за другой будут отпадать от него различные общественные службы и как, наконец, политическая «организация общества сольется с его экономической организацией» и совершенно поглотится ею. Вместо того, они, взяв «за исходную точку зрения современный порядок вещей, настоящие роды общественной службы», некоторые из отраслей этой службы совсем исключили, некоторые прибавили и из этого «винегрета они состряпали свой проект организации общественной службы в будущем обществе, проект, представляющий какую-то странную амальгаму того, что есть, с тем, что, по их мнению, должно быть» [Там же, с. 12–15].

Каким образом произойдет процесс организации общественных служб? В проекте анархистов, подчеркивал Ткачѳв, о них говорится как о чем-то уже готовом и вполне сформировавшемся, «точно они с неба упадут! Точно между ними, с одной стороны, и данными (в настоящем) общественными факторами, с другой, не будет существовать никакой логической связи, никого органического соотношения» [9, с. 21–24].

Публицистика «Набата» избирательным анализом представлений анархистов о будущем устройстве общества показывала читателям противоречия их доктрины. Ткачѳв был убежден, что проект анархистов «не указывал ни того послереволюционного момента, в который могут быть

практически осуществлены их цели, ни тех последующих звеньев, которые должны связывать проектируемое идеальное будущее с существующим реальным настоящим» [9, с. 15–20]. По его мнению, анархисты толковали о чем-то очень отдаленном и практически нереальном.

Очевидна жесткая, обличительная риторика передовиц «Набата», посвященных анархизму. Их цель – дискредитация бакунизма, популярного в революционном подполье России 1870-х гг. Мотивация такого отношения редакции «Набата» к анархизму обуславливалась антиэтатистской направленностью его революционной концепции, отрицанием его идеологами ценности всякого государства, всякой диктатуры. Но позднее Ткачѳв признал значение учения Бакунина и влияния его личности на революционную среду. В некрологе «Смерть М.А. Бакунина» Ткачѳв писал: «Память о тебе вечно будет жить в сердцах всех искренних революционеров, всех честных людей. Живой, ты воодушевлял, ты вдохновлял их на великие подвиги, воспоминание о твоей самоотверженной деятельности будет вдохновлять их и после твоей смерти. Русская молодежь напишет твое имя на своем революционном знамени и осененная им, смело станет продолжать свою святую борьбу, в которой ты был всегда передовым застрельщиком» [12, с. 1].

Полемика с анархистами по вопросам революционной тактики и будущего устройства страны составляла одну из главных целей редакции. «Набат» не ослабил влияния бакунистов в революционном движении второй половины 1870-х гг. Программа и тактика «Земли и Воли» отражала предпочтение ее слушателями идей Бакунина: «Из всех родов западноевропейского социализма мы сочувствуем федералистскому интернационалу, то есть анархистам» [4, с. 27–28], – заявляли землевольцы. Их тактические приемы сводились к пропаганде социалистических идеалов по Лаврову и агитации народа к бунту по Бакунину. В программе Исполнительного Комитета «Народной Воли» (1872 г.) политические задачи революции предусматривали цель «отнять власть» у существующего правительства и передать ее народу (Учредительному собранию депутатов от народа) [Там же, с. 202].

Библиографический список

1. Бакунин М.А. Полн. собр. соч. СПб., 1907. Т. II.
2. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков / Под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2003.
3. Зверев В.В. Русское народничество. М., 2009.
4. Революционное народничество (семидесятых годов XIX века): В 2-х т. М., 1964. Т. 2.

5. Ткачёв П.Н. Анархическое государство // Набат. 1876. № 5 (апрель).
6. Ткачёв П.Н. Анархия мысли // Набат. 1875. № 1 (декабрь).
7. Ткачёв П.Н. Жертвы дезорганизации революционных сил // Набат. 1878.
8. Ткачёв П.Н. Избр. соч.: В 2 т. М., 1976. Т. 2.
9. Ткачёв П.Н. Накануне и на другой день революции // Набат. 1876. № 11–12 (декабрь).
10. Ткачёв П.Н. Народ и революция // Набат. 1876. № 4 (март).
11. Ткачёв П.Н. Революция и государство // Набат. 1876. № 2–3 (январь–февраль).
12. Ткачёв П.Н. Смерть Бакунина // Набат. 1876. № 7–8 (июнь–июль).

Е.А. Андреева

Архитектурное отделение Императорской академии художеств в конце XIX века

В статье рассмотрен процесс обучения в архитектурном классе Императорской Академии Художеств в конце XIX в. Особое внимание уделяется методам преподавания архитектурных дисциплин и работе академистов над составлением конкурсных проектов, представленных на соискание малых и больших медалей Академии.

Ключевые слова: Императорская академия художеств, архитектурный класс, архитектурное отделение, конкурсные проекты.

В конце XIX в. Императорская академия художеств состояла из двух отделений – живописно-скульптурного и архитектурного. Она являлась самой крупной в России школой подготовки художественных кадров. Архитектурный класс доживал последние годы в системе обучения, установленной реформой 1859 г.

Реформа четко определяла порядок прохождения различных ступеней обучения, которые начинались с общих классов, обязательных для всех учеников, независимо от их будущей профессии и специальности. Общих

классов было 3, из них 2 рисовальных (с античных гипсовых голов («головной») и фигур («фигурный»)), а также эстампный – рисования с классических гравюр. Следующий натурный класс являлся необязательным для архитекторов. В этих классах преподавали известные в то время художники и превосходные педагоги. Занятия по рисунку вел П.П. Чистяков, учениками которого были И.В. Репин, В.Д. Поленов, В.И. Суриков, В.А. Серов, В.М. Васнецов, М.А. Врубель.

Совместное обучение живописцев и скульпторов в общих классах архитекторов способствовало творческому сотрудничеству, общению, создавало атмосферу товарищеского соревнования, способствовало формированию высокого уровня графической культуры.

После общих ученики распределялись по специальным классам, соответствующим видам искусства. Архитектурный класс делился на два отдела: низший, где изучалось «черчение архитектурных частей и орнаментов всех стилей», и высший, для «составления архитектурных проектов». Каждодневные академические занятия проходили по трем циклам: утренние часы отводились лекциям по теоретическим предметам. В дневное время с 13.00 до 15.00 часов академики осваивали архитектурно-графические дисциплины, занимались проектированием, вечерние часы – с 17.00 до 19.00 – уделялись рисунку.

В основе архитектурной школы академии лежало изучение классических образцов. Курс гражданской архитектуры был рассчитан на три года. Вначале академики штудировали классические ордера, причем в первый год – греко-дорический и тосканский, а во второй – римско-дорический, ионический и коринфский. После этого учащиеся изучали европейские архитектурные стили нового времени. Последние годы под руководством «дежурных» профессоров, сменявшихся каждый месяц, учащиеся занимались решением разнообразных композиций, которые с каждым занятием все более усложнялись. Система обучения являлась классической по форме и по духу. Красноречиво ее охарактеризовал известный зодчий А.В. Щусев, учившийся в 1890-е гг. в Академии: «Академия по тому времени была первоклассной школой, которая могла бы соперничать с любой заграничной академией – Вены, Берлина или Парижа. Архитектурные детали классических сооружений были для нас, как для музыкантов гимны и этюды.... Только после долгого изучения деталей, ордеров, пропорций студенты, приступали к композиции. Архитектурный язык классики становился ясен и понятен до мелочей. В памяти откладывалось то, что считалось наиболее ценным. Выработывался свой вкус и чутье к грамоте пропорций, к изысканности линий, усложнялась сущность архитектурного ансамбля, связь отдельных частей, общая

мысль здания, расценивалось значение каждой детали, каждого штриха старых больших мастеров» [Цит. по: 3, с. 15–16].

Специальные предметы разделялись на группу расчетно-математических дисциплин (аналитическая геометрия, своды, строительная механика) и группу строительных, сугубо инженерных (строительное искусство, технология строительных материалов, отопление и вентиляция зданий, строительное законоведение). В расписании вводилась группа предметов, подготовливающих к проектированию: начертательная геометрия, теория теней, перспектива и ордера, а также предметы историко-эстетического цикла: история изящных искусств, эстетика, археология, всеобщая русская история.

Архитекторам с первых лет обучения читались лекции по математике, физике, химии. Затем вводились курсы технических дисциплин, отвечавших требованиям строительной практики тех лет. Для успешного освоения специальных предметов в 1872–1873 гг. был установлен повышенный общеобразовательный ценз в объеме курса гимназии для поступающих [4, с. 21–23].

В летнее время академисты проходили строительную практику, где приобретали практический опыт надзора за кирпичной кладкой, работы над шаблонами и рабочими чертежами.

Весь курс обучения в архитектурном классе был рассчитан на 8 лет. Академия давала серьезное профессиональное образование. «За относительно короткий срок ей (Академии – Е.А.) удалось достичь в преподавании технических дисциплин высокого уровня, и не только уничтожения имевшегося ранее неравенства по сравнению с чисто строительными учебными заведениями, но и добиться того, что воспитанники академии архитектурного класса стали пользоваться заслуженной репутацией сведущих и опытных строителей», – писал историк архитектуры С.С. Бронштейн [2, с. 75].

Превосходной школой для будущих архитекторов служили занятия у выдающихся профессоров архитектурного класса: А.И. Резанова (ректора архитектурного отделения), А.И. Кракау, Д.И. Грима, Р.А. Гедике, А.А. Парланда, И.А. Стефанца, ориентировавших своих воспитанников на изучение архитектурного наследия, в частности, итальянского Ренессанса. Соответствующее направление приобрело и учебное проектирование, осуществляющееся в русле так называемого «академического ренессанса». Знакомство с конкурсными проектами, выполненными на малые и большие золотые медали, ныне хранящиеся в научно-исследовательском институте Академии художеств, позволяют убедиться в прекрасном знании европейских стилей и архитектуры Возрождения.

Учет успеваемости по графическим и проектным дисциплинам проводился по номерам (первый – высший), а по теоретическим – по пятибальной системе. После прохождения теоретического курса, выполнения всех заданий и получения малой серебряной медали, которая уже давала право на самостоятельную проектную деятельность, академики могли соревноваться за большую серебряную медаль. После ее получения будущие архитекторы допускались к участию в конкурсе на малые и большие золотые медали. Большую золотую медаль и пенсионерскую поездку за границу получал только один выпускник. Остальные конкурсанты выпускались из академии со званием архитектора классного художника I степени, что давало определенные преимущества в работе и соответствующий чин чиновника 10 класса.

В программах на высшие медали предполагалось разработать крупное сооружение общественного назначения, которое имело бы сложную объемно-пространственную структуру и, соответственно, представительный монументальный фасад. Внутренняя планировка зданий, продиктованная функциональными соображениями, тщательно разрабатывалась, как правило, по классической трактовке пространства с выделением центра. Обязательным условием для выполнения программы являлось решение проектов в формах итало-французского Ренессанса с элементами барокко и классицизма, что соответствовало стилистическому многообразию эклектики.

Большой объем проектной документации (главный фасад, потолочные планы, разрезы, перспектива) выполнялись тушью, с использованием акварели. Белилами акцентировались наиболее эффектные фрагменты. Сложное задание позволяло продемонстрировать профессиональное мастерство.

По условиям конкурса, архитекторы должны были в течение 24 часов, не покидая Академии, за отдельными ширмами, выполнить в карандаше предварительное задание, затем составить небольшого размера эскиз, который утверждался советом, и уже на его основе разработать окончательный проект. В конкурсных проектах на золотые медали, как пишет С.С. Бронштейн, «воспитанники академии стремились показать свои знания и умения, приобретенные за годы пребывания в архитектурном классе. Качество выполнения проектов и прорисовки деталей были исключительно высоки и свидетельством о профессиональном мастерстве учащихся академии. На большой высоте находилась и “техническая грамотность” выпускников.

Во всяком случае, все проекты отличались исключительно реальным подходом к решению поставленных задач, знанием конструкций

и возможностей строительной техники» [2, с. 78]. Типичными темами конкурсных проектов того времени были «Дом для призрения престарелых храбрых воинов» (1887), «Великокняжеский замок на юге России» (1883), «Городская дума Санкт-Петербурга» (1889), «Дворец посланника» (1890) и т.д. [1].

Хотя процесс академического обучения был традиционен и консервативен, что и привело к его преобразованию в 1893 г., однако в целом он давал устойчивые знания и приемы проектирования в тех исторических стилях, которые широко использовались в период эклектики. Начиная архитектор свободно, по памяти, на основе многочисленных деталей и общих композиций мог составить проект здания любого назначения – собора, церкви, дворца, доходного дома, особняка. Занятия рисунком, акварелью, овладение специальными навыками приемов отмывки тушью, знание теории теней и перспективы давали в руки начинающему архитектору отточенную методику эффективного графического исполнения проектов.

Учеба в Императорской академии художеств играла огромную роль в становлении будущих архитекторов. В ее стенах академисты получали солидную художественную и техническую подготовку. Здесь закладывались основы мастерства, понимания архитектуры как искусства, знание ее законов, профессиональное отношение к работе, что позволило в дальнейшем воплощать полученные знания в своих сооружениях.

Изучение традиций отечественного архитектурного образования позволяет на нынешнем этапе развивать и совершенствовать систему художественной подготовки современных художников, дизайнеров, архитекторов.

Библиографический список

1. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. СПб, 1904. Т. 4.
2. Бронштейн С.С. Архитектурный класс академии художеств во второй половине XIX века // Вопросы художественного образования: Сб. трудов Института им. И.Е. Репина. Вып. IX. Л., 1974. С. 73–81.
3. Дружинина-Георгиевская Е.В., Корпфельд Л.К. Зодчий А.В. Щусев. М., 1959.
4. Сб. постановлений Совета ИАХ по художественной и учебной части с 1859 по 1890 гг. СПб, 1890.

Н.А. Долгоаршинных

История художественного образования в России и Международный союз учителей рисования (начало XX в.)

Статья знакомит с особенностями развития школьного художественного образования в России начала XX в. в связи с влиянием на нее деятельности Международного союза учителей рисования.

В основе статьи – анализ материалов, опубликованных в журнале «Вестник учителей рисования» в 1905–1909 гг.

Ключевые слова: школьное художественное образование, Международный союз учителей рисования, Общество учителей рисования, летние курсы учителей рисования 1906–1908 гг.

В настоящее время сфера школьного художественного образования России переживает серьезный кризис. Во всем мире школьное художественное образование является важным условием становления растущей личности. Уникальность и значимость предмета «Изобразительное искусство» определяются нацеленностью на развитие способностей и творческого потенциала ребенка, формирование ассоциативно-образного мышления, интуиции.

С началом реформ, проводимых в российском образовании в последние годы, стал разрушаться планомерный, поддающийся прогнозированию процесс развития школьного предмета «Изобразительное искусство». Возникли проблемы, негативно отражающиеся на преподавании изобразительного искусства в школе.

Идет повсеместное сокращение учителей изобразительного искусства. По стандартам второго поколения изобразительное искусство преподается с 1 по 7 класс. В начальной школе изобразительное искусство преподают учителя начальной школы. Для учителей ИЗО не хватает нагрузки, это приводит к низкой зарплате, отсутствию педагогического стажа и выслуги. Результат: специалисты, учителя изобразительного искусства, уходят из школы.

Совет Федерации одобрил закон о реформировании бюджетных учреждений в России. Этот документ разрешает бюджетным учреждениям (школам) оказывать услуги, приносящие доход. Администрация некоторых школ уже предложила своим учителям ИЗО подыскивать

новую работу, т.к. «изобразительное искусство будет за сеткой часов, т.е. будет вестись на платной основе».

В то же время существуют и другие проблемы школьного художественного образования, не связанные с проводимыми реформами. В первую очередь, это низкий уровень преподавания изобразительного искусства.

Изобразительная деятельность начинается довольно рано: практически каждый ребенок уже в два года рисует. Однако к концу начальной школы многие дети утрачивают свой интерес к рисованию.

Возможность реализовать себя, достичь позитивного результата является главным источником мотивации к изобразительной деятельности, а ее отсутствие – причиной отказа от изобразительного творчества. В свою очередь, проведенный анализ причин неумения учащихся рисовать показывает, что важной проблемой является слабая профессиональная подготовка учителя, особенно в области психолого-педагогических компетенций [5].

По мнению А.А. Пилигина, причина такого положения дел – система убеждений учителя изобразительного искусства. Большинство педагогов не верят, что в рамках учебных часов школьной программы можно научить детей хорошо рисовать, любить искусство, т.к. чаще всего их собственный путь к искусству был связан с профессиональным образованием. Также среди учителей распространено убеждение, что творческие способности даны от природы лишь немногим, а поэтому их возможно лишь незначительно развить. При такой вере в способности ученика учитель в большей степени стремится просвещать детей, предлагая им познакомиться с различными образцами искусства, и обучать простейшим навыкам обращения с карандашом, кистью, красками и т.д., нежели творить.

Сложившаяся ситуация говорит о том, что сегодня вновь стали актуальны проблемы школьного художественного образования. Необходим поиск компенсаторных действий, решение которых позволит исправить описанные выше негативные явления, а также изменит мнение родителей, детей и администрации школ об изобразительном искусстве как о предмете «третьего сорта».

В этих условиях становится интересен опыт деятельности Международного союза учителей рисования, сформировавший в начале XX в. во всем мире отношение к школьному художественному образованию как особо значимой сфере человеческой деятельности.

В начале XX в., когда создавался Международный союз учителей рисования, методика преподавания рисования активно развивалась, вопросы обучения детей изобразительной деятельности обсуждались на международных конгрессах. Проблемами художественного образования

занимались не только педагоги и художники, но и искусствоведы, психологи, врачи.

Первый Международный съезд (конгресс) по художественному образованию состоялся в Париже в 1900 г., на нем присутствовало 30 делегатов и 516 членов Съезда. На Втором Съезде в Берне (1904 г.) число делегатов возросло до 172 и членов – до 823, представляющих 21 страну. Число участников Лондонского съезда (1908 г.) достигло 1819 человек, из них 74 делегата, представляющих интересы 38 стран [3].

Кстати, на Третьем Международном съезде, проводимом в Лондоне, официальных представителей от России не было. Причина – смена руководства в Министерстве народного просвещения, вследствие чего о съезде просто забыли, поэтому не были сделаны соответствующие распоряжения о командировке делегатов на конгресс, то же самое было и в 1904 г. в Берне. На данных съездах присутствовало несколько учителей из России, приехавших туда частным образом.

Международный союз был создан на основе заключительной резолюции Бернского конгресса по рисованию. Цель деятельности Союза – поддержка учителей рисования, сбор и распространение разнообразной информации по художественному образованию и воспитанию, обмен педагогическим опытом.

Организация Международного союза нашла горячий отклик и поддержку со стороны многих сообществ учителей рисования. Примером может послужить письмо от Общества учителей рисования Рима: «Имею честь выразить Вам, от имени центрального комитета общества учителей рисования в Италии, чувства живейшего сочувствия по поводу основания Вами федерации, способствующей художественному прогрессу во всех странах. Посылая Вам извещение о присоединении нашего общества к федерации, я имею честь выразить нашим шведским коллегам чувства сердечной братской любви» [2].

Официальное местопребывание Союза было в Швейцарии. По уставу, в Союз могли вступить «лица и общества, занимающиеся и интересующиеся преподаванием рисования и профессиональных ремесел». В состав комитета союза вошли представители различных государств – Германии, Великобритании, Австрии, Бельгии, Болгарии, Испании, Америки, Франции, Голландии, Венгрии, Румынии, Швейцарии; общества и школы из Рима, Берна, Стокгольма, Казани (Россия) и др.; частные лица из разных стран, в том числе и из России (А.Н. Смирнов).

Международный комитет собирался раз в два года или по необходимости. Заседания проходили каждый раз в разных странах. Члены комитета были обязаны присылать законодательные акты, методические посо-

бия и другие материалы по художественному образованию, изданные в их странах. Материалы съездов рассылались членам Союза и публиковались в главных периодических изданиях их стран.

На заседаниях комитета и съездах не только читались и обсуждались доклады о преподавании рисования в подготовительных, средних, художественных и технических школах, но и устанавливались общие принципы и методы преподавания, единая международная терминология, употребляемая в рисовании, принимались разнообразные резолюции.

Например, на одном из съездов единогласно была принята следующая резолюция: необходимо ввести в той или иной форме образцовое обучение для подготовки учителей рисования. Во всех странах подготовка преподавателей рисования должна быть специальной, логической и наиболее соответствующей цели. Преподаватели школ должны получать образование, отличное от образования художников, в специальных учреждениях, называемых Образцовой школой. Данные школы должны располагать хорошей коллекцией наглядных пособий, обширной библиотекой.

Важным аспектом деятельности Союза была организация международных выставок рисунка. На открытой при Третьем Лондонском съезде обширной международной выставке ученических работ, занимающей пространство в 20 000 кв. м., были представлены экспонаты из 21 страны, в том числе и из таких отдаленных мест, как Австралия и Мексика. В то же время работы учащихся из Италии, Японии и России по разным причинам отсутствовали.

Благодаря деятельности Международного союза во многих странах Европы началось реформирование преподавания рисования. Например, уже 1 января 1909 г. во Франции была утверждена новая программа по рисованию. Французское правительство, чуткий резонатор культурных потребностей своего времени и своей страны, в предисловии к программе написало: «Рисование полезно людям на всех ступенях развития, во всех классах, во всех возрастах. Оно не роскошь, не развлечение, а одно из основных средств выражения цивилизации. Государство считает своим долгом внушить любовь к рисованию и дать понятие о нем всем своим гражданам» [6].

В России также велась большая работа по реформированию преподавания рисования. При Академии художеств были учреждены курсы для подготовки учителей рисования, создана комиссия для выработки методов преподавания рисования в общеобразовательных школах и составления программы для средних учебных заведений. В комиссию входили выдающиеся художники Н.Н. Ге, И.Н. Крамской, В.П. Верещагин,

В.Е. Маковский, П.П. Чистяков и др. Академией художеств с целью повышения уровня преподавания рисования были организованы конкурсные выставки рисунков учащихся общеобразовательных школ.

В этот период начали издаваться художественно-педагогический журнал «Вестник учителей рисования» с бесплатным приложением сборника рисунков (1901–09 гг., 12 номеров в год), обзоры деятельности Общества учителей рисования (СПб., 1902–16 гг.), «Художественно-педагогический журнал» (1910–13 гг., 24 номера в год), «Искусство и жизнь» (1915–16 гг.).

В 1901 г. Санкт-Петербурге было образовано Общество учителей рисования. Цель Общества – содействовать совершенствованию и распространению методов обучения графическим искусствам; оказывать помощь нуждающимся членам общества и их семьям. В обществе читались доклады, широко изучался зарубежный опыт. Члены общества были организаторами летних курсов для учителей рисования (1906 г.). Для практической отработки новых педагогических методик открылись рисовальные классы под руководством Н.Д. Благовещенского, в которых бесплатно преподавали члены общества. В 1907 г. был проведен Всероссийский съезд учителей рисования. Члены общества сотрудничали с московским Обществом преподавателей графических искусств, участвовали в российских и зарубежных съездах по профессиональному образованию. При обществе работала Комиссия по приисканию занятий его членам. Весной 1917 г. общество вошло в Союз деятелей искусства, где его представлял В.И. Бейер.

Важным новшеством на тот период были не только новые методы и приемы преподавания рисования, черчения и лепки, но и новые цели – развитие в будущем гражданине эстетических чувств путем ознакомления учащихся с историческими памятниками искусства, современными художественными произведениями и наблюдениями природы.

С изменением конечной цели преподавания, методов и приемов у многих преподавателей, уже получивших образование и работающих по специальности, появилась потребность познакомиться с новыми направлениями обучения рисованию, с новой методической литературой и учебными пособиями, разобраться в спорных вопросах, обсудить, что возможно предпринять для улучшения преподавания этого предмета в отечественных учебных заведениях.

Реализовать эту потребность учителей помогали двухнедельные курсы повышения квалификации для учителей и учительниц рисования, впервые организованные летом 1906 г. А.Н. Смирновым в Санкт-Петербурге. На первое занятие приехали 56 слушателей из разных мест России.

В «Вестнике учителей рисования» регулярно помещались заметки, описывающие занятия на этих курсах: «Курсы прошли очень оживленно, занятия продолжались в течение двух недель с 8-ми часов утра до 7 часов вечера. Занятия состояли из лекций, примерных уроков и практических упражнений акварелью и лепкой. Лекции иллюстрировались работами учащихся и соответствующей литературой, пособиями и моделями. Актный зал был занят под выставку работ учащихся из русских и иностранных учебных заведений, а также руководств по разным отделам преподавания рисования на русском, немецком, французском и английском языках. Предстоящим летом курсы будут повторены и дополнены теми сведениями, пособиями и материалами, которые появятся в течение текущего учебного года» [1].

О пользе таких курсов говорили многие зарубежные ученые и педагоги. Еще на Первом международном конгрессе по вопросам рисования, состоявшемся в Париже в 1900 г., была принята резолюция о необходимости введения в той или иной форме обучение для подготовки и переподготовки преподавателей рисования. На Втором международном конгрессе, проходившем в 1904 г. в Берне, директор амстердамской образцовой школы преподавателей рисования В. Молькенбоэр о курсах повышения квалификации говорил: «Временные курсы представляют ценность для действующих педагогов, которые могут совместно обсуждать вопросы методики – под руководством опытного человека, могущего дать советы относительно педагогики и методики преподавания рисования» [4, с. 77].

Курсы повышения квалификации для учителей рисования отличались от съездов тем, что на них, кроме общих директив, рассматривались методические приемы преподавания. За границей такие курсы получили широкое распространение, их продолжительность могла быть от 4-х дней до 6-ти месяцев, посредством таких курсов в Германии была проведена реформа преподавания рисования.

Для русских учителей рисования, находившихся вдалеке от мощного движения, охватившего все цивилизованные страны, курсы повышения квалификации явились средством общения и позволили присоединиться к работе заграничных коллег.

Интерес к летним дополнительным курсам, проводимым в Санкт-Петербурге, постоянно рос – и это несмотря на то, что курсы были платными, также необходимо было оплачивать проживание и питание. В 1906 г. на курсах принимало участие в качестве слушателей 56 человек, в 1907 г. – 71, в 1908 г. – 86 человек.

Занятия проходили в течение шести дней – с понедельника по субботу. По воскресеньям слушателям предлагалось посещение экскурсий.

План занятий на курсах включал в себя вопросы, связанные с психологией детского возраста, с новыми приемами преподавания рисования, а также демонстрацию примерных уроков рисования. Список занятий был достаточно объемным. В течение одного дня проводилось до семи занятий по различным темам (преподавание рисования в дошкольном возрасте, дома и в детских садах; приемы рисования на классной доске; изучение цвета посредством цветных пластинок и бумаг; приемы рисования с живых растений, животных, человека; скорое рисование и рисование на открытом воздухе; принципы так называемого «американского метода» и др.).

Большое внимание уделялось проблеме оборудования школьного кабинета рисования. Для ознакомления слушателей с новинками в этой области на курсах проводились лекции на тему «Устройство и обстановка школьного класса», устраивались выставки современных учебных пособий, руководств, моделей, материалов. На выставках учителя рисования также могли познакомиться с работами учащихся из русских и иностранных учебных заведений. Ученические работы были получены с выставок из Парижа, Чикаго и других городов мира.

Обобщая представление о Международном союзе учителей рисования, необходимо еще раз отметить, что, благодаря его деятельности началось реформирование школьного художественного образования во всем мире, были приняты общие принципы, формы и методы обучения рисованию, повысилось качество преподавания рисования и значимость предмета.

Мудрецы говорили: жизнь состоит из того, что видит человек, оглядываясь назад. А позади нас – яркая творческая жизнь наших предшественников, людей, которые, объединившись в Международный союз учителей рисования, изменили представления многих о ценности художественного образования.

Людам, живущим в XXI в., еще предстоит осмыслить художественно-педагогическое наследие, оставленное началом XX в. Одно можно сказать с уверенностью – сегодня, когда школьное художественное образование испытывает определенные трудности в своем развитии, нам очень дорог период начала 1900 гг., время крупных перемен, время мыслителей, подвижников, реформаторов.

Библиографический список

1. Летние дополнительные курсы // Вестник учителей рисования. 1906. № 1. С. 8.
2. Международный союз учителей рисования // Вестник учителей рисования. 1906. № 8. С. 92.

3. Международный съезд по художественному и художественно-промышленному образованию и воспитанию 1908 г. в Лондоне // Вестник учителей рисования. 1909. № 1. С. 1–2.
4. Молькенбоэр В. Образцовое обучение для подготовки преподавателей рисования // Вестник учителей рисования. 1906. № 7. С. 77.
5. Плигин А.А. Познавательные стратегии школьников. М., 2007.
6. Розовые надежды и серая действительность // Вестник учителей рисования. 1909. № 6. С. 114.

А.В. Маланова

Маньчжурские органы управления русско-монгольскими отношениями в XVII–XIX вв.

Статья посвящена процессу создания маньчжурами органов управления русско-монгольскими отношениями в XVII–XIX вв. Верховным органом, регулирующим русско-монгольские отношения, был Китайский трибунал внешних сношений. На среднем уровне осуществления русско-монгольских сношений находились ургинские амбани. Приграничные контакты в районе Кяхты осуществлялись через дзаргучей.

Ключевые слова: Северная Монголия (Халха), Цинская империя, маньчжуры, русско-монгольские отношения, Лифаньюань (Трибунал внешних сношений), амбань, Маймачен, дзаргучей.

Русско-монгольские контакты имеют давнюю историю. Их начало восходит к XVII в., когда после присоединения сибирского региона к Русскому государству границы российских владений стали соприкасаться с монгольскими землями. После включения в 1691 г. Северной Монголии в состав Цинской империи отношения с Монголией стали регулироваться договорами, заключаемыми между Россией и Китаем. Вхождение Монголии в состав Цинской империи ставило русско-монгольские контакты в зависимость от состояния отношений с Китаем.

В маньчжурской администрации делами по отношениям с монголами первоначально ведал так называемый Монгольский ямынь. После включения в 1636 г. Южной Монголии в состав маньчжурских владений он был преобразован в Лифаньюань (Палата внешних сношений, Судилище иностранных дел, Трибунал внешних дел), ставший со временем центральным учреждением Цинской империи, ведавшим управлением Монголией и сношениями с Россией.

В 1691 г. в состав маньчжурской империи вошла Северная Монголия (Халха). Включение ее, а также Кукунора, Тибета и Джунгарии в состав империи не изменило структуры Лифаньюаня и не отразилось на его деятельности. В XVIII–XIX вв. Лифаньюань продолжал осуществлять административный контроль над Монголией, Тибетом, Кукунором, поддерживал внешнеполитические отношения с Россией, Кореей, Аннамом и другими государствами.

В своих действиях Лифаньюань руководствовался законами и постановлениями, исходившими в разное время от маньчжурских властей. Это были «Монгольское уложение»¹ 1696 г., составленное на основе законоположений, издававшихся для монголов еще во время правления Абахая, и «Уложение китайской палаты внешних сношений», датируемое 1789 г. [4]. Оба эти сборника законов вышли на маньчжурском и монгольском языках.

С момента своего образования Лифаньюань состоял из шести отделов. Первый занимался административными делами Внутренней Монголии, второй – делами Северной Монголии, Джунгарии, Кукунора и Тибета. Третий отдел ведал приемом владетельных князей Южной Монголии, выдачей им и ламам государственных монастырей жалования и приемом от них ежегодной дани. В компетенцию четвертого отдела входили прием князей Северной Монголии и получение от них дани и подарков цинскому императору. Пятый осуществлял контроль над Хами и Турфаном, шестой – судебный – контролировал ведение судебных и гражданских дел в Северной и Южной Монголии. Каждый из перечисленных отделов возглавлял специальный чиновник, назначавшийся цинским правительством из маньчжуров знатного происхождения. При отделах имелись свои канцелярии, в штат которых входили: заведующий печатью, его помощники, делопроизводители, старшие и младшие писари. Кроме шести департаментов, в составе Лифаньюаня были распорядительный отдел, регистратура, переводческий отдел, финансовый отдел и отдел контроля. Внешнеполитическими вопросами, в частности, вопросами сношения с Россией, ведал специальный совет, образованный при Лифаньюане, в состав которого входили высшие маньчжурские сановники. С такой организационной структурой Лифаньюань просуществовал до 1906 г.

Столице Монголии Урге правительством Китая отводилась весьма значительная роль. Урга, или Да-Хурэ, возникла на месте при слиянии рек Толы и Сельбы. В 1741 г. Урга делается постоянным местопребыва-

¹ «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг») представляет собой свод маньчжурских законодательных актов для монголов на 1627–1694 гг.

нием гэгэна – верховного монгольского буддийского первосвященника. В 1756 г. гэгэн учредил здесь первое в Халхе высшее духовное училище, носившее название Цанита. Прослушавшие его курс и выдержавшие испытания получали здесь различные ученые степени, утверждение которых принадлежало гэгэну. Таким образом, в Ургу начали стекаться ламы со всей Монголии. Многие из пришедших не только оставались здесь на долгое время, но и поселялись на постоянное жительство.

Не меньшую услугу возвышению значения Урги оказало и китайское правительство. Явно сознавая возможность влияния гэгэна на всю Халху, китайцы опасались его и стремились к ограничению его могущества. В сношениях с монголами они шли к этой цели постепенно, но неуклонно твердым шагом. Прежде всего, им нужно было удалить гэгэна от непосредственного столкновения с народом и его жизнью. С этой целью они под предлогом святости гэгэна и опасения унижить его достоинство отбирают у него дела по управлению шабинарами (крепостными хутухты). Так в 1754 г. в Урге впервые учреждается присутственное место для шабинских дел, а управление ими возлагается на Шанцзотбу. Учреждая эту должность, маньчжуры хотели представить лицо, занимающее ее, не более как распорядителем имущества гэгэна, хотя на самом деле в его руках была сосредоточена полная власть не только по административной, но и судебной части. Все это было сделано для того, чтобы переход управления шабинарами из-под власти гэгэна был менее заметен. Маньчжурам нужно было раздробление власти, они хотели поставить на каждый отдел управления несколько начальников для того, чтобы последние всегда взаимно ограничивали друг друга и в результате прибегали к ним самим для решения дела. Смерть второго гэгэна через четыре года после учреждения звания шанцзотбы дала первый к этому повод. В 1758 г. состоялось высочайшее повеление: «Халхасский Чжебзун дамба лама переменял одеяние (скончался). Хотя в Курени для надзора за учением и богослужениями и находится шанцзотба Судуб Дорчжи, тем не менее для управления всеми нужными шабинарами недостаточно одного только человека; посему повелевается вызвать халхасского тусулакчи цзяньцзюня Санчжи Дорчжи, и пусть он присматривая за Куренем, хорошенько управляет сообща хутухтинскими шабинарами, равно предоставляется решать и пограничные русские дела» [3, с. 8]. Таким образом, в Урге появился монгольский амбань (высший правитель). Но прошло еще три года, и для управления Куренем и шабинарами уже оказалось недостаточно двух человек. В 1761 г. в Ургу был назначен для той же цели второй амбань, но уже из маньчжуров. Он считался ниже монгольского амбаня, но имел гораздо большее значение и влияние при пекинском дворе. В это

время деятельность амбаней еще была ограничена деятельностью в Курене и управлением шабинарами. Маньчжурский двор хорошо это понимал и вскоре расширил круг их деятельности за пределы заведования местопребыванием хутухты и его данников. В 1786 г. в Пекине состоялось определение, утверждавшее за ургинскими амбанями право окончательного решения дел по управлению Цэцэн-хановским, Тушету-хановским аймаками, принадлежавшими до этого времени улястайскому цзянцзюню (губернатору). Событие это окончательно возвысило Ургу: она стала для Монголии религиозным и политическим центром, средоточием высшей гражданской власти для большей половины Халхи.

В штате ургинских амбаней насчитывалось около 170 человек. Этот штат формировался из маньчжуров и монголов. На более ответственные и высокооплачиваемые должности назначались маньчжуры, средние по значению должности занимали выходцы из монгольской феодальной знати, на низшие назначались простые монголы. Так, должности заведующего канцелярией и переводчика могли занимать только маньчжуры, офицеров, курьеров, тюремных надзирателей, переводчиками в присутственных местах (канцеляриях) – выходцы из среды монгольских феодалов; на должности стражников, привратников, проводников брали простых монголов. В подчинении ургинского амбана, кроме ургинского судебного управления, находилось кяхтинское пограничное управление [1, с. 40].

В первой половине XIX в. ургинские амбаны сыграли решающую роль в срыве русской миссии Ю. А. Головкина в Китай. На посольство возлагалась сложная задача – добиться для России права торговли в Гуанчжоу, что могло дать выход на китайский рынок товарам Российско-Американской компании. Вторая важная задача состояла в получении согласия Пекина на открытие нового пункта торговли на западном участке российско-китайской границы, в районе Бухтармы.

Когда русское посольство во главе с Ю.А. Головкиным прибыло в Ургу, ургинские правители предложили перед торжественным обедом русскому послу исполнить обряд «коу-тоу», символизирующий вассальную зависимость России от Китая. Это был беспрецедентный случай даже в практике китайской дипломатии. Совершение этого обряда требовалось обычно во время аудиенции у императора. Предусмотреть такое развитие событий не могла ни одна инструкция. Русская делегация отказалась выполнять унижительную церемонию. Последующий месяц русский посол пытался договориться с ургинскими правителями, но безуспешно. 1 февраля 1806 г. русское посольство вынуждено было возвратиться в Россию.

Во второй половине XIX в. заметно оживились контакты между ургинскими правителями и администрацией Восточной Сибири. Это было связано с увеличением оборота кяхтинской торговли и проведением Россией активной политики на Дальнем Востоке. Так, в 1853 г. амбань бэйсэ Дэлэк Дорчжи и кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер встретились на границе и обсудили условия кяхтинской торговли и политическую ситуацию в Китае. В 1855 г. и 1858 г. на переговоры в Ургу ездил кяхтинский пограничный комиссар А.И. Деспот-Зенович. В 1861 г. на переговоры с амбанями по условиям русско-китайской торговли ездил кяхтинский пограничный комиссар В. Карпов. Кроме них, курьерами в Ургу посылались В.В. Гаупт, П.Г. Вольф и др.

Недалеко от Кяхты китайцы, монголы, маньчжуры основали свою торговую слободу, которая называлась Хиангт маймаачин (Торговая слобода) и впоследствии стала называться просто Маймачен. Это был типичный торговый город. Его население состояло из купцов и наемных работников, обслуживавших торговлю. Главой Маймачена ургинская администрация назначила специального чиновника для решения повседневных пограничных дел – дзаргучея. Дзаргучей назначался сроком на три года. На эту должность мог быть назначен только монгол, но известный лояльным отношением к цинским властям. В ведении дзаргучея находились торговля, сбор налогов, полиция, суд, отношения с русскими пограничными властями.

В 1803 г. Палата внешних сношений обязала ургинского амбана лично осматривать пограничные караулы. Согласно принятому постановлению объезды должны были производиться через каждые десять лет. Об очередном осмотре ургинские чиновники должны были заранее предупреждать русские пограничные власти. Для того чтобы упорядочить процедуру инспектирования границы, еще в 1792 г. были введены т.н. «разменные дощечки». Караульные обменивались половинками расколотых дощечек с надписями на русском и монгольском языке. Когда приезжали в караул другой стороны, для удостоверения предъявляли «разменную дощечку». Со временем инспекции такого рода стали совершаться чаще. Дзаргучей и кяхтинский пограничный комиссар стали проводить совместные заседания, на которых обсуждали вопросы торговли, угона скота, перебежчиков.

Таким образом, отношения Северной Монголии с Россией регулировались на трех уровнях. На низшем уровне осуществлялись приграничные контакты Маймаченского дзаргучея с кяхтинским пограничным комиссаром, на среднем были ургинские амбаны и генерал-губернатор Восточной Сибири, на высшем – Лифаньюань и Сенат (позже – Министерство иностранных дел).

Библиографический список

1. Горохова Г.С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XIX в.). М., 1980.
2. Ермаченко И.С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. М., 1974.
3. Позднеев А.М. Города Северной Монголии. СПб., 1880.
4. Липовцев С. Уложение Китайской палаты внешних сношений / Пер. с маньчж. Т.1–2. СПб., 1828.

Н.В. Шимонова

К вопросу о подготовке Голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России

В статье рассказывается о подготовке английской и русской сторон к военной экспедиции в Голландию в 1799 г., разработке планов нападения, количестве войск, предоставляемом каждой стороной, и поиске военного союза со Швецией. В работе используются неопубликованные документы из фондов Архива внешней политики Российской империи. Автор приходит к выводу, что планы Англии и России при подготовке к Голландской экспедиции были сходны, а разработка различных планов нападения сыграла свою роль впоследствии, когда военная кампания уже была развернута.

Ключевые слова: Голландская экспедиция 1799 г., остров Валхерен, лорд У. Гренвилл, Чарльз Уитворт, Павел I, Георг III, внешняя политика России и Великобритании конца XVIII в., вторая антифранцузская коалиция.

В 1799 г., в рамках второй антифранцузской коалиции, состоялась совместная англо-русская экспедиция в Голландию (Батавскую республику), к этому времени полностью попавшую под контроль Франции. Предыдущие попытки союзников по коалиции вторгнуться во Францию с юго-запада, со стороны Италии и Швейцарии, окончились неудачей.

И в 1799 г. была предпринята еще одна попытка сломить сопротивление французских войск на север-западном участке фронта.

Основными силами, которые должны были нанести удар в этом направлении, были английские и русские войска. «Король и Император Российский замыслили конвенцию между собою», сообщал британский военный министр Генри Дандас в одном из своих писем от 27 июля 1799 г. Русский двор обязался поставить 17 тыс. солдат «для употребления в такие операции, о каких могут условиться договаривающиеся стороны» [13, л. 10].

Британия была настолько заинтересована в военной поддержке России, что министр иностранных дел Великобритании лорд У. Гренвилл в своих письмах считал нужным уверять: король Георг III готов безотлагательно начать военную операцию только силами английских войск и подвергнуть их «трудностям и опасностям первой атаки» [9, л. 36 об.].

Щедрость российского императора Павла I в вопросе предоставления войск Англии простиралась очень далеко. К примеру, «в знак дружбы» Павел предлагал королю Англии в случае неудачи в Голландии использовать русские войска «для обороны берегов Великобритании, или Ирландии противу покушений французских, или же предпринять что-либо с оными на берега Французские в пол[ь]зу шуанов или роялистов» [12, л. 51–51 об.]. В то же время Павел I высказал сомнение в удачном окончании грядущей экспедиции, на что лорд У. Гренвилл ответил, что в Англии «не отчаиваются о успехе Голандской Экспедиции» и намерены в связи с этим «употреблять вышереченный корпус войск согласно первоначал[ь]ному онаго назначению» [Там же, л. 51 об. – 52]. Наступление планировалось вести в двух направлениях: на о. Валхерен и на о. Тексель.

С сентября 1799 г. боевые действия развернулись в районе городов Берген, Гельдер, Алькмаар (между Амстердамом и Текселем) на полуострове Северная Голландия.

Проект же наступления на о. Валхерен подробно рассматривался английской и русской сторонами. Один из таких проектов хранится в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Это «Рассуждение о завоевании Голландии, представленное на благорассмотрение г. Дундаса...» [13, л. 1] анонимного русского автора от (предположительно) июня 1799 г., адресованное Дандасу (Дундасу). В нем подробно изложен возможный план военной кампании. Данный источник впервые вводится в научный оборот. Он интересен, прежде всего, тем, что демонстрирует всю сложность подготовки Лондона и Петербурга к совместной экспедиции в Голландию. «Рассуждение...» показывает разнообразие подходов британской и русской сторон к разработке плана войны.

Документ, скорее всего, был написан высокопоставленным русским военным чиновником, имевшим право личного доклада Павлу I [13, л. 4]. В нем излагается план совместного наступления русских и британских войск на позиции французов со стороны провинции Зеландия (Zeeland, юго-запад Нидерландов) и Южная Голландия, в районе о. Валхерен. Предполагалось вести военные действия на территории нескольких островов в устье р. Шельда. «Нужно отрядить Эскадру в Схельду (так в тексте. – *Н.Ш.*) с двумя бомбардирскими судами, коей и [следует] стать на якорь прямо напротив Флуминга, но вне пушечного выстрела, и оттоль бомбардировать сей Город» [Там же, л. 3], – говорилось в записке.

Планом предусматривался следующий состав союзной армии: русских войск 10 тыс. чел., английских – 6 тыс. чел., шведских, предположительно, – 8 тыс. чел. (Шведам отводилась роль вспомогательных войск, «для гарнизона и на оборонительные действия назначаемыми, доколе не возбудится ревность их успехом, коего, по всему видимому, в сём предприятии ожидать можно» [Там же, л. 1].) Таким образом, в общей сложности в боевых действиях должны были принимать участие 24 тыс. солдат [Там же]. В реальности в сентябре 1799 г. в Голландии высадились: 31 тыс. чел. под командованием британского генерала Ральфа Аберкромби и 17 тыс. русских солдат под командованием генерал-лейтенанта И.И. Германа [2].

В стратегические задачи плана включались пункты о необходимости ведения активной антифранцузской пропаганды среди местного населения. Предполагалось, что на островах существует устойчивая тенденция к поддержке свергнутого французскими войсками в 1795 г. правительства штатгальтера (статхаудера) принца Вильгельма Оранского. По мнению автора записки, о. Зюд-Бевеланд «из всех владений Голландских сделался известным благомысленностию обывателей его, кои одни только во все время не позволяли воздвигнуть древа вольности» [13, л. 1 об.]. Предполагалось направить эскадру к Эверсдику и там вооружить голландцев из числа сторонников свергнутой Оранской династии (оранжистов) для совместной с британцами и русскими обороны острова. Остров Валхерен также «существенно» необходимо было «приобрести», т.к. он не только «господствует [над] Схелдою», но и «расположение умов жителей его видам нашим благоприятно» и «большую из них можно набрать партию, сколь только будут они уверены в подкреплении» [Там же, л. 2].

Валхерен рассматривался как исключительно важный пункт. Считалось, что французы «все силы употребят [для того, чтобы] не допустить нас до оногo [острова]. Следовательно, должно ожидать, что приморская

сторона от Денстаака на восточном берегу, к Ост-Каппелю, Домбергу, Вест-Каппелю и до Флуминга сколь возможно сильнее укреплена будет» [13, л. 2], т.е. речь шла об укреплении французами западного побережья о. Валхерен.

В «Рассуждении...» много внимания уделялось именно сотрудничеству с оранжистами («необходимо чтобы... жители их [островов. – *Н.Ш.*] к намерениям нашим [были] наклонны» [Там же, л. 2 об.]), что позволит избежать лишней потери людей. Автор документа настаивал на постепенной высадке солдат на берег (опять-таки, чтобы избежать потерь) и предлагал «занять столько мест, сколько силы наши морские защищать нам позволят» [Там же]. В конечном итоге, предлагалось «не атаковать» приморскую сторону о. Валхерен, но занять позиции в следующих пунктах: «Броверс-Ставен, Ромпотской канал... Овер-Флакк, Дунвеланд, Шовен, Норд[-Бевеланд] и Зюд-Бевеланд, что все исполнить можно, не потеряв ни одного человека» [Там же]. Таким образом, план предусматривал полный захват островов провинций Зеландия и Южная Голландия.

Войска в данной позиции предполагалось распределить следующим образом: 7 тыс. чел. направить в Оверфлакк, 2 тыс. – в Дунвеланд и Шовен, 3 тыс. чел. – в Зюд-Бевеланд и 4 тыс. – в Норд-Бевеланд. Отсюда предполагалось идти к г. Миддельбургу (Middelburg), «и таким образом овладеть Островом Валхерен правильным наступлением, вместо усиленной высадки на укрепленные берега» [Там же, л. 3]. Эскадра, как уже было сказано, должна была находиться возле устья р. Шельда. В ее состав предлагалось включить два бомбардирских судна, которые предназначались для бомбардировки Флуминга (приморской стороны о. Валхерен). Эскадра должна была обеспечить блокаду местности. Такое положение было важно также и потому, что автор документа полагал: все эти острова легко и удобно можно защитить «от моря» и «на них легко набрать большой корпус». Такие действия «ободрят» всех в Голландии, Брабанте и Фландрии, и это, «без сомнения, произведет повсеместное и решительное народа восстание, так что немедленно можно будет, по меньшей мере, сто тысяч человек преобразовать в регулярные полки» [Там же, л. 3–3 об.]. Однако в сентябре 1799 г. надежда союзников на активную поддержку их усилий со стороны местного населения окажется несостоятельной, ибо его антифранцузский порыв был явно переоценен. Тяготы военного положения, легшие на плечи местных жителей, не добавляли им энтузиазма. Англо-русские войска рассматривались отнюдь не как освободители: нередкими были случаи грабежей, мародерства, насилия со стороны войск, а потому и отношение жителей Голландии было соответственным.

Император Павел I в июне 1799 г. писал генералу Герману: «Предмет сего вооружения есть завоевание Голландии, возмущение и покорение Нидерландов...» [1]. Под словом «возмущение» имелась в виду надежда на рост антифранцузских настроений среди голландцев. Современный исследователь А.А. Егоров указывает, что во время кампании 1799 г. «сотрудничество с недовольными французским господством голландцами казалось им [союзникам – *Н.Ш.*] одной из главных гарантий успеха», но, в конечном итоге, «мы обнаружили едва ли одного друга в [этой] стране, – вспоминал впоследствии адъютант главнокомандующего британской сухопутной армией герцога Ф.А. Йоркского, – очень мало голландских джентльменов прибыло в нашу армию...» [13, л. 3–3 об.].

Возвращаясь к вопросу об эскадре, следует добавить, что, кроме двух-трех бомбардирских судов, в нее предполагалось включить один 50-пушечный корабль, четыре или пять фрегатов, четыре военные шлюпки. В «Рассуждении...» сказано: «Морские силы, на сие завоевание потребные, исключая нескольких Канонерских судов, будут весьма малозначущи» [Там же, л. 3 об. – 4].

По словам автора «Рассуждения...», Павел I сомневался, что атака Валхерена будет успешной, т.к. «остров сей укреплен еще более и превосходные [т.е. более значительные. – *Н.Ш.*] на нем находятся силы, нежели я по последним оттоль известиям заключаю, отчего может произойти неудача в котором-либо из пунктов атаки» [Там же, л. 4]. Но на лежавшей на столе перед императором карте «я немедленно представил, что, сведав точно о положении того Острова, можем мы легко занять Норд- и Зюд-Бевеланд и Воолверсуик, победа (так в тексте. – *Н.Ш.*) коих без всякой потери приобретена быть может; а с сих уже островов и имея на Схелде Эскадру, Волхерен отрезан будет от всякого сообщения и взят быть может регулярным приступом, при весьма вероятном содействии недовольных жителей, коих мы найдем там готовыми на сие предприятие» [Там же]. Павел I счел этот план «весьма благоразумным» [Там же].

Тот же самый план обсуждался в письме Гренвилла британскому посланнику в России Чарльзу Уитворту. Предполагалось назначить «два пункта атаки», для чего армию необходимо было поделить на две неравные части. Английское командование сомневалось в том, какую часть (большую или меньшую) следует предназначить для атаки на Валхерен. Надежда на успех в Зеландии в некоторой степени основывалась «на вероятности возмущений, и на образовании Голландской Армии, что вместе содействовало бы с внешнею силою, которая с тем намерением назначена была захватить разные пункты коммуникаций». Средства, предназначенные для экспедиции, на тот момент существенно увеличи-

лись благодаря принятым парламентом мерам, вследствие чего Гренвилл сообщал, что Георг III «гораздо превзойдет желания Своего Союзника, и условия намереваемого трактата» [9, л. 34 об. – 35]. Вместо корпуса от 8 до 13 тыс. солдат Англия поставит для экспедиции в Голландию от 20 до 25 тыс. человек пехоты и не менее 6 тыс. конницы. К этой силе должны были присоединиться 17 тыс. солдат русской армии и 8 тыс. – шведской. «Можно ожидать совершенного успеха» от всей операции с таким количеством солдат, *«не полагаясь ни мало на сомнительные действия внутренних возмущений»* [выделено мной. – Н.Ш.], ни даже на продолжение побед, которые в свое время столь существенно ослабили французскую силу в той стороне» [Там же]. Эта цитата дает нам возможность увидеть, что расчет на помощь и сочувствие местного населения был не таким уж большим и совсем не основополагающим. Не на нем базировалось ожидание побед в Голландии, ибо эта материя организаторам представлялась «сомнительной».

Считалось, что все вышеуказанные военные силы невозможно соединить одновременно в одном месте. А потому необходимо было выработать план, по которому первые части «оной дивизии» смогут выступить раньше, и потом «распространять наши операции по мере, как подкрепления приходиться будут» [Там же, л. 35].

Изучив карты берегов Соединенных Провинций «от Шелды до Долларта», организаторы военной кампании пришли к выводу, что овладение островами в устье р. Маас (Мессы, Меузы, Meuse), т.е. именно Валхереном и другими, обещает много выгод. Это откроет возможности для навигации по р. Маас, а также обеспечит надежную и безопасную гавань, где можно будет высаживать солдат и потом регулярно присылать все необходимое для армии. Здесь же имелась возможность прикрыть отступление войск в «невероятном случае <...> неожиданного несчастья» (все-таки поход предполагался как победоносный), если вдруг французы смогут привести туда свою армию, «которая бы с какою-нибудь надеждою успеха действовала против корпуса, состоящего почти из 60 000 человек» [Там же, л. 35 об.].

Считалось, что завладение островами в устье р. Шельды даст союзникам возможность в один миг и крепко («легко и скоро») утвердиться на материке «в провинции Голландии» [Там же]. И так как именно здесь находится центр всех военных и гражданских учреждений, то «революция в оной [провинции] будет по всей <...> вероятности решительна и для прочих провинций» [Там же, л. 36].

Для армии в смысле выгодности позиции это место также было важно. Находясь там, союзники имели бы с правой стороны р. Ваал, которая

защищала бы их от возможной атаки французских войск, а с тыла – р. Эйссел (Иссель) и р. Греб. Таким образом, для флота будет открыт вход в гавань Текселя. Главное – «единодушно» произвести всю военную операцию [9, л. 36]. Чтобы достичь этого, план предлагался следующий.

10 тыс. человек британской пехоты должны были отправиться после 1 августа 1799 г. на судах к о. Горей (Гуре-Оверфлакке) и о. Ворн (Ворне), где захватят ряд городов, в т.ч. и Гелветслюс. Второй корпус, т.е. первая дивизия российских войск числом 8 тыс. человек, должна быть в Ярмуте в двадцатых числах августа. Их высадка на голландские берега после военных успехов англичан на означенных островах будет спокойной. Англичане обеспечат безопасность русскому корпусу, что особо подчеркивалось: ему окажут поддержку британская пехота, численностью в 10–15 тыс. человек, и конница.

Вторая русская дивизия и 8 тыс. шведов также должны прибыть в Ярмут, а после того частями перемещаться на захваченный английскими силами берег, в г. Гелветслюс (Hellevoetsluis), откуда будут вести военные действия и овладеют о. Амеланд, высадка на который считалась более трудной и длительной по времени. В Амеланд должен был быть послан корпус в 3 тыс. человек. Овладение Амеландом считалось «вторичной» операцией, но полезной «как для диверсии», так и для «доставления нашим приятелям в Гренингене, Оверисселе и Фризландии оружия, амуниции и офицеров» [Там же, л. 37].

Время атаки Амеланда зависело от общего положения дел в Голландии, но лучшим было бы, как считалось, если бы это произошло между прибытием первой и второй дивизий российских войск. Прибытие первой дивизии ожидалось между 20 и 25 августа 1799 г., а второй – в тех же числах сентября. Корпус для атаки Амеланда предполагалось взять из второй дивизии британской пехоты генерал-лейтенанта Дж. Палтни. Подкрепить его при необходимости следовало из второй дивизии русских или из шведских войск [Там же, л. 37 об. – 38]. Главная армия должна была следовать вдоль р. Ваал, и ей необходимо было поставить бомбардирские лодки и другие вооруженные суда в нужном количестве. Правый фланг армии, таким образом, будет защищен морем и английским флотом, левый – землями, «в прусском нейтралитете заключенными» [Там же, л. 38]. Также нужно было принять меры и доставить недовольным новым режимом в Нидерландах оружие и деньги. Считалось, что таким образом местные жители смогли бы оказать помощь армии против неприятеля.

Одним союзническим ударом английская сторона надеялась еще до зимы овладеть голландскими провинциями на северной стороне р. Ваал, восстановить законное правительство и повести победное наступление по

всей Фландрии вплоть до границы с Францией. Гренвилл писал Уитворту, что надеется на его помощь, а также на содействие представителя английской стороны в Санкт-Петербурге капитана 1-го ранга Х.Р. Попхэма (Попгама) и генерала Стамфорда в оказании влияния на императора Павла I в пользу предложенного плана. Но Россия должна немедленно поставить 8 тыс. солдат, чтобы начать боевые действия в Голландии, не дожидаясь прибытия второй русской дивизии. Необходимо было действовать скорее, т.к. время года было неподходящим и не позволяло откладывать военную операцию, к тому же победа в Голландии вызвала бы большой резонанс в Европе, ведь острова в устье р. Шельды находились очень близко от столицы «Голландского Правительства» [9, л. 39–40].

Именно в этот период Наполеон Бонапарт завоевал Египет, потерпел поражение у Сен-Жан-де-Акр от английского адмирала Сиднея Смита и в августе возвратился в Париж, узнав о потерях в Италии и падении престижа Директории. Ситуация могла бы сложиться в пользу союзников, и расчет на европейский резонанс был вполне оправданным.

Гренвилл писал, что если вдруг император Павел I откажется принять изменения в плане, выраженные в распределении войск, то это будет сочтено в Англии «великим несчастьем», и Уитворт может в таком случае согласиться, чтобы вторая русская дивизия и шведские войска были высажены в Гронингене, «дабы действовать оттуда» [Там же, л. 40]. Т.к. данный план мог быть подвергнут изменениям после представления его Павлу I, в Стокгольм о нем еще не сообщали. Тем более что план этот следовало держать в тайне как можно дольше.

Как сказано выше, в июле 1799 г. обсуждалась готовность шведского военного контингента присоединиться к экспедиции в Голландию. Если позволят «обстоятельства и состояния соединенных провинций», то первая русская дивизия и английский корпус, подкрепленные «шведскою силою», могут начать «намереваемые действия» (военную кампанию), оставив «вторую дивизию Россиян за собою» как резерв [7, л. 8]. 2 июля 1799 г. Гренвилл писал Уитворту, что выгоды от присоединения к Голландской экспедиции шведского корпуса несомненны, а наличие в распоряжении Готенбургского порта «весьма ощутительно», поэтому на предложения Павла об участии Швеции следует согласиться, т.к. это даст еще 8 тыс. человек шведской армии на тех же условиях, что и российские войска [8, л. 16]. Но союз не состоялся. Камнем преткновения стали английские субсидии, которых ожидала Швеция и которых не дала Великобритания.

Желая получить шведских солдат, Великобритания не хотела давать корабли для снаряжения этих войск, т.к. польза от линейных кораблей, по мнению английской стороны, была меньше издержек по их приготовлению

к походу. «Из-за нынешнего состояния флотских сил неприятелевых» линейные корабли не годятся. Поэтому Его Величество Георг III должен «уклониться от подания на то денежной помо[ш]и». Эти корабли были бы полезны только для перевозки солдат, но не для вооружения армии [8, л. 16 об.]. Полномочий на подписание формального трактата со Стокгольмом Гренвилл не считал нужным дать ни Уитворту, ни чрезвычайному посланнику Англии в Швеции Дэниэлу Хейлсу до тех пор, пока не станет ясен приблизительный результат переговоров. Однако он предлагал им дать противоположной стороне уверения в согласии Георга III «на изъясненные здесь условия» по вопросу союзнических отношений, если это понадобится. Министр писал, что «не должно терять из виду того, что согласие России в [ходе] переговоров является весьма важным для прочности принятых обязательств» [it must never be lost sight of that the concurrence of Russia in the negotiation is on much importance to the stability of the engagements to be taken] [Там же, л. 13]. Гренвилл с самого начала не желал субсидировать Швецию, оговаривая это в том же письме Уитворту, в котором писал, что желал бы получить военную помощь от Швеции.

Однако, с другой стороны, если переговоры со Швецией прервутся или союз не состоится, союзники теряли 8 тыс. солдат. Поэтому перед Уитвортом ставилась задача убедить Павла I восполнить недостаток военной силы, дав еще 10 тыс. солдат на прежних условиях. В случае получения согласия императора капитан Попхэм должен был доставить этих солдат в Ярмут [11, л. 55].

Вопрос об английских субсидиях шведскому королю решался следующим образом. Русский посол в Англии граф С.Р. Воронцов в донесении Павлу I от 23 сентября / 4 октября 1799 г. подробно обсуждал этот вопрос. Проект трактата со Швецией по поводу субсидий Воронцов называет «самым тайным» повелением императора [12, л. 49]. Его привез в Голландию генерал Герман. Распоряжение императора по вопросу субсидий для Швеции относится к 21 июля 1799 г. Субсидии Швеции не были даны в силу ряда причин, которые Воронцов подробно излагает в своем донесении Павлу.

«В ответ на предложение в оном о взятии на субсидии Англии Корпуса Шведских войск» Гренвилл сказал: «Министерство здешнее ни под каким видом не посмеет взять на себя платить субсидии каким-либо державам, кроме тех, коих войска даются в непосредственное (т.е. непосредственное. – *Н.Ш.*) здешнее распоряжение». Парламент не только не согласится на подобное предложение, но и «не преминет винить в оном Министерство», которое «не может отважиться» отвечать «за подобную, неприятную для всей нации меру». Еще одной причиной отказа является

то, что «не предвидят здесь большой выгоды в оном, поелику за расстоянием мест оное употреблено быть не может, как, по меньшей мере, чрез шесть месяцев». К тому же «...решено уже здесь взять на платеж Англии 10 000 человек Баварского войска, которое находится уже в готовности и по близости мест немедленно может быть употреблено в Швейцарии и с курфюрстом Баваро-Пфальцским уже заключен субсидный трактат по этому поводу». Шведский же король Густав IV Адольф «как будто нарочно выдумывает все способы, чтобы оказать свое презрение к аглицкой короне», из-за чего английскому посланнику было «приказано... оставить Швецию», ибо Англия «не может сносить без взаимнаго презрения то, что ей оказывается от Швеции» [12, л. 49]. В данном случае («презрение») речь шла о карусели, устроенной в Стокгольме, на которую был приглашен весь дипломатический корпус, кроме английского посланника. Таким образом, из-за отказа в деньгах военный союз со Швецией не состоялся.

Союзным командованием были определены главные направления атак позиций французов. Это были, в первую очередь, острова Валхерен, Амеланд, Горси, на которые нападение должно было вестись с моря. В конечном итоге, однако, было сочтено, что одним нападением на эти острова, «без стечения благоприятнейших обстоятельств» [6, л. 8–8 об.], «освобождении» Голландии невозможно. Возможно, российская сторона предполагала, что ограничиваться только атакой этих островов было нельзя: Гренвилл писал Уитворту, что необходимо, чтобы «операции Российских войск были распоряжаемы по тому военному плану [утвержденному генералитетом], а не ограничивались атакою разных вышеозначенных островов» [Там же, л. 9]. «Объяснить» составленный план Павлу I должен был генерал Стамфорт, «и я крепко надеюсь, – продолжал Гренвилл, – что представление генерала Стамфорта в подкрепление ваших по сему случаю натурально произвели надлежащее действие» [Там же]. Но если вдруг Павел I не захочет следовать изложенному плану, то Уитворту не следует решительно возражать «против употребления Российских войск к вышепомянутым ограниченным предметам». Следует «сделать в предложенном плане перемену». В таком случае «нападение на берега» должно быть поручено российским войскам, а операцию «на Гренниген» (Гронинген [Groninguen]) надо поручить британской армии и шведским войскам, чье присутствие на голландском театре военных действий в тот момент еще предполагалось [Там же, л. 9–9 об.].

Почему же этой местности (Валхерену и соседним с ним островам) придавалось такое большое значение? Устье р. Шельды имело особое стратегическое значение, т.к. именно этот путь давал возможность кораблям укрываться от нападения, минуя путь севернее Британских островов,

а, значит, давало возможность обезопасить себя от британского флота, т.е. было на руку врагам Британии [3, с. 435].

Чем же закончилась разработка планов атаки на Валхерен? Согласно дипломатической переписке Гренвилла и Уитворта, из-за позднего времени года решено было перенести наступление в один пункт (а именно, в район Северной Голландии) и отложить атаку Валхерена до тех пор, «пока успех других операций сделает то предприятие удобнее». Гренвилл уточнял: «теперь почитается, что Зеландия столько отдалена от других провинций, а особливо от места и столицы их правительства, что не можно ожидать важного действия от завладения тою провинциею» [9, л. 34].

Таковы были планы Англии в отношении Голландии в июле 1799 г.? Они, как сообщалось в дипломатической переписке, были «сообразны» намерениям Павла I [10, л. 46]. Более того, Гренвилл в письме Уитворту прямо писал, что Георг III считает союз с Россией «основанием политической своей системы» [Там же]. Фраза, на наш взгляд, важна для понимания дальнейших политических событий, для осознания всей важности последовавшего разрыва союзнических отношений между Англией и Россией для обеих стран.

В конечном итоге планы атаки на Валхерен сыграли свою роль, ибо, когда в августе 1799 г. Аберкромби отправился к Гелдеру, было известно, что основной французский корпус был собран именно в ожидании атаки англичан на Валхерен, и переместить его в Северную Голландию было достаточно непросто [4, л. 70].

Библиографический список

1. Егоров А.А. Конфуз союзного войска. Секретная экспедиция русских к голландским берегам // Родина. 1996. № 6. С. 37–42.
2. Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 1992. Т. 1.
3. Черняк Е.Б. Система международных отношения в Европе в XVIII в. (до 1789 г.) // История Европы / Под ред. А.О. Чубарьяна. Т. 4. М., 1994.
4. Депеша министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла к Ч. Уитворту от 17 августа 1799 г., № 55 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
5. Письмо британского военного министра Г. Дундаса от 27 июля 1799 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 666.
6. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 2 июля 1799 г., № 250 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
7. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 15 июля 1799 г., № 47 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.

8. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 15 июля 1799 г., № 48 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
9. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 15 июля 1799 г., № 55 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
10. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 15 июля 1799 г., № 57 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
11. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 1 августа 1799 г., № 64 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 665.
12. Письмо министра иностранных дел России графа С.Р. Воронцова от 23 сентября / 4 октября 1799 г., № 250 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 514.
13. Рассуждение о завоевании Голландии, представленное на благорасмотрение г. Дундаса, сокращенное, поколику позволило его содержание, 1799 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 674.

Д.В. Суржик, Е.Н. Кульков

Оккупационная политика агрессоров и планы уничтожения Советского Союза

Оккупационная политика нацистской Германии на временно захваченной советской территории являлась одним из орудий достижения главной цели агрессии – уничтожения Советского государства и массового истребления его населения, «непригодного» для эксплуатации в качестве рабской силы. К дележу захваченной территории СССР Гитлер допустил двух своих союзников – Румынию и Финляндию. Они также активно участвовали в насаждении на отведенных им участках террористического режима и разграблении советского хозяйства. В публикуемой статье анализируются причины, способы реализации и последствия оккупационной политики агрессоров.

Ключевые слова: нацистская Германия, нацистская Румыния, нацистская Финляндия, агрессоры, оккупационная политика, Вторая мировая война, геноцид.

Оккупационная политика нацистской Германии на временно захваченной советской территории являлась одним из орудий достижения главной цели агрессии – уничтожения Советского государства и массового истребления его населения, «непригодного» для эксплуатации в качестве рабской силы. Эта политика осуществлялась с чрезвычайной жестокостью, и в этом было ее главное отличие от оккупационной политики в ранее занятых вермахтом странах, за исключением Польши, где оккупанты также действовали с особой жестокостью. «Если немецкие оккупанты в Западной и Северной Европе обычно соблюдали, хотя бы и частично, международное право, – как справедливо отмечает польский историк Ч. Мадайчик, – то немецкое господство в Центральной и Восточной Европе имело совершенно другой характер. Захватническое стремление к созданию “германского” жизненного пространства было столь радикально, что вряд ли можно говорить об оккупационной политике в общепринятом понимании» [26, с. 427].

Особенно откровенно глубокая враждебность нацистской верхушки к населению СССР проявилась в ожидании скорой победы в начале «войны на Востоке». Об этом наглядно свидетельствуют записи застольных разговоров Гитлера, которые с 21 июля 1941 г. до июля 1942 г. сначала вел министерский советник Г. Гейм, а затем доктор Г. Пикер [16], а также записи о целях оккупационной политики на захваченной территории СССР с 6 сентября по 7 ноября 1941 г. представителем Восточного министерства в ставке Гитлера В. Кёппеном [20, с. 503–513]. Записи Гейма и Пикера отличается от записи Кёппена тем, что они велись по поручению самого Гитлера и под контролем М. Бормана, а запись Кёппена велась неофициально по поручению А. Розенберга, назначенного имперским министром восточных областей. Записи Гейма и Пикера были сделаны для того, чтобы представить Гитлера как деятеля, стремившегося обеспечить немцам процветание за счет захвата советских земель, а записи Кёппена – для того, чтобы учитывать на деле каждое желание фюрера при насаждении нацистского «нового порядка» на захваченных советских землях.

Из записей Кёппена следует, что Гитлер и его генералы, говоря о русских, украинцах и белорусах, называли их не иначе как «славянским сбродом», неспособным к самоуправлению. Гитлер при этом заявлял, что после разгрома Красной Армии нечего даже думать о предоставлении возможности русским и украинцам получить какое-либо образование. Их следует использовать исключительно как рабочую силу при освоении Востока «имперскими и зарубежными немцами» (последних, по его словам, насчитывалось 1,5 млн человек), а также гражданами других

европейских стран, из которых он предлагал делать надсмотрщиков [20, с. 504, 510].

Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер после разговора с Гитлером 8 июля 1941 г. записал в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще» [3, с. 92].

Об следующем разговоре Кёппен сделал запись 10 сентября 1941 г. Он отметил: «Город нужно будет лишь взять в кольцо, подвергнуть артиллерийскому обстрелу и взять измором. Не имеет значения, сколько это займет времени – несколько дней или даже недель. Осуществить предложенный финнами план отвода воды расположенного на возвышенности Ладожского озера в Финский залив и тем самым затопить Ленинград технически довольно сложно» [20, с. 505]. Из этой записи ясно, что в данном случае речь идет об умерщвлении населения Ленинграда.

В сентябре 1941 г. после поездки Гитлера на Украину Кёппен в своих записях разговоров в ставке отметил: «В Киеве сгорел целый квартал, но в городе проживает все еще довольно большое количество человек. Они производят очень плохое впечатление, внешне походят на пролетариев, и поэтому их численность следовало бы сократить на 80–90 процентов. Фюрер немедленно поддержал предложение рейхсфюрера конфисковать расположенный неподалеку от Киева древний русский монастырь, – как он называется, нам не сказали, – чтобы он не превратился в центр возрождения православной веры и национального духа» [20, с. 506].

9 октября 1941 г. Кёппен, оценивая положение на фронте, отметил: «Фюрер дал распоряжение о запрете немецким солдатам вступать на территорию Москвы. Город будет окружен и стерт с лица земли» [Там же, с. 505].

Этот приказ был подписан 7 октября 1941 г. и подтвержден главным командованием сухопутных войск Германии в «Указании о порядке захвата Москвы, и обращении с ее населением» от 12 октября 1941 г. В этих документах группе армий «Центр» запрещалось принимать капитуляцию Москвы и ни одному немецкому солдату не вступать в этот город до тех пор, пока он не будет превращен в руины артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а гражданское население не будет обращено в бегство. В указании подчеркивалось, что, мол, «совершенно

безответственно было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии». Такую же тактику немецким войскам предписывалось применять и по отношению ко всем другим советским городам и разъяснялось, что «чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России, и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их» [3, с. 273]. В записи Кёппена от 17 октября было также отмечено, что Гитлер в своей ставке дал понять генералам, что после победы он намерен сохранить лишь немногие русские города [20, с. 505].

В записях Кёппена приводятся негативные оценки Гитлером русского и украинского народов. Говоря о русских как о «рабской силе», он заявлял: «В данном случае было бы совершенно бессмысленно говорить о трудовой морали и долге, люди этого не поймут, так как привыкли реагировать только на удары кнута». И русские, и украинцы, и славяне в целом, по словам Гитлера, принадлежали к расе, недостойной гуманного обращения и затрат на их образование: «С них будет вполне достаточно умения читать дорожные указатели, немецкому учителю там нечего делать. Под свободой украинцы понимают разрешение мыться только один раз в месяц, а не два раза, как прежде, немец со своей зубной щеткой вскоре будет вызывать у них только раздражение. Он лично, будучи фюрером немецкого народа, принял достаточно хорошо продуманное решение управлять именно в соответствии с этими принципами, и его совершенно не интересует мнение славян по этому поводу» [Там же, с. 505–506].

В начале января 1942 г. Гитлер снова сделал заявление по поводу политики в области образования на оккупированных советских землях. «Прежде всего, мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут. Самое лучшее было бы, если бы люди освоили там язык жестов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий. Кто-нибудь видел, чтобы европейская культура дала там достойные плоды? Возник духовный анархизм! Эти люди будут считать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов!» [16, с. 96].

В то же время Гитлер позиционировал себя как благодетель немцев, пекущийся о том, чтобы обеспечить им – представителям «выс-

шей расы» – достойную жизнь за счет завоевания земель на Востоке. «При заселении русского пространства, – говорил он в начале сентября 1941 г. – мы должны обеспечить имперских крестьян необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях – губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать все необходимое для жизни немцев. Вокруг городов в радиусе 30–40 км раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединенные самыми лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам будет достаточно сбросить пару бомб на их города, и дело сделано. А раз в год проведем группу киргизов по столице рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия ее архитектурных памятников. Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия. Если бы я мог втолковать все это, как они важны для будущего!» [Там же, с. 36–37].

В конце января 1942 г. после поражения вермахта в битве под Москвой Гитлер утешал своих собеседников: «Потери будут восстановлены в многократно превосходящем их объеме в поселениях для чистокровных немцев, которые я создам на Востоке... Право на землю, согласно вечному закону природы, принадлежит тому, кто завоевал ее, исходя из того, что старые границы сдерживают рост численности народа. И то, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории» [Там же, с. 72]. Продолжая эту мысль, Гитлер говорил: «На Востоке есть железо, уголь, пшеница, древесина. Мы построим роскошные дома и дороги, и те, кто вырастет там, полюбят свою родину и однажды, как немцы Поволжья, навсегда свяжут с ней свою судьбу» [Там же, с. 74].

Записи, которые сделали Гейм, Пикер и Кёппен, лишь отчасти выдают замысел нацистского фюрера и его ближайшего окружения относительно будущего славян на Востоке после победы Германии: довести их образ жизни до уровня первобытного общества, внушить им страх перед немцами и заставить их, если потребуется, выполнять любую самую тяжелую работу. В этих записях нет главного – раскрытия намерений нацистов, в конечном счете, уничтожить физически, наряду с евреями, славянское население Центральной и Восточной Европы и заселить их земли немцами и родственными им по языку другими народами.

В успехе операции «Барбаросса» были уверены все высшие руководители германского рейха. События первых дней войны они расценили как начало крушения Советского Союза. Исходя из этого, они спешно приступили к осуществлению преступных замыслов по ликвидации госу-

дарственного и общественного строя СССР, разграблению его богатств, превращению в рабов и массовому уничтожению советских граждан. Масштабы этой преступной деятельности расширялись по мере того, как немецкие войска и войска союзных Германии стран углублялись в пределы советского пространства. К декабрю 1941 г. они захватили 8% советской территории (1,9 млн кв. км), входившей в состав Белоруссии, Украины, Молдавии, Прибалтийских республик, а также западные области РСФСР. Здесь нацисты добивались установления своего безраздельного военного, политического и экономического господства.

16 июля 1941 г. Гитлер на заседании в ставке верховного командования вооруженных сил с участием Геринга, Розенберга, Ламмерса, Бормана и Кейтеля так определил задачи национал-социалистической оккупационной политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы этот пирог разделить наиболее сподручным способом, для того чтобы мы могли: во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать» [цит. по: 16, с. 29].

Большая часть оккупированной территории СССР на протяжении второй половины 1941 г. оказалась под властью немецкой военной администрации. Во главе ее стоял генеральный квартирмейстер главного командования сухопутных войск. Начальниками военной администрации непосредственно при группах армий «Север», «Центр» и «Юг» являлись командующие генералы сухопутных войск в их тыловых районах, а при армиях – коменданты тыловых районов. Они опирались на многочисленные гарнизоны, полевые, поселковые и городские комендатуры. В их распоряжении находились охранные дивизии, караульные и полицейские батальоны, части полевой жандармерии. Помощь в «обеспечении безопасности пространства» командующим в оперативном тылу оказывали высшие начальники СС и полиции, в распоряжении которых имелись три бригады СС и ряд самостоятельных полицейских частей [2, с. 16; 24, с. 120].

За тыловыми районами групп армий, по мере их продвижения на Восток, на захваченной территории устанавливалось управление немецкой гражданской администрации. Общее руководство ею осуществлялось созданным в Берлине 17 июля 1941 г. на основании указа Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» имперским министерством по делам оккупированных восточных областей (Восточное министерство). Это министерство возглавил рейхслейтер нацистской партии А. Розенберг. В состав министерства были назначены нацистский гаулейтер немецкой земли Вестфален-Норд и заместитель нацистского гаулейтера земли Шаумбург-Липпе А. Мейер (заместитель Розенберга). Главный

отдел «Политика» возглавил Г. Лейббранд, который ранее во внешнеполитическом управлении НСДАП был ответственным за антикоммунистическую пропаганду. Его заместителем стал профессиональный дипломат О. Бройтигам, одновременно отвечавший за связь Восточного министерства с Верховным командованием вермахта. В главном отделе «Хозяйство» промышленным сектором руководил Г. Шлоттерер, а сельскохозяйственным сектором – Г.-И. Рике. Шлоттерер годом ранее работал в имперском министерстве экономики, занимаясь там хозяйственными проблемами установления «нового порядка в Европе». Будучи прикомандированным к Восточному министерству, он оставался начальником восточного отдела имперского министерства экономики и руководителем группы промыслового хозяйства в Экономическом штабе Восток, членом административного совета общества «Берген унд Хюттен Ост». Рике на новой для него должности в Восточном министерстве оставался начальником отдела имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства и начальником главной группы продовольствия в Экономическом штабе Восток.

Региональными гражданскими сферами власти оккупантов были так называемые рейхскомиссариаты. Рейхскомиссариат «Остланд» во главе с гауляйтером Шлезвиг-Гольштейна Г. Лозе включал в себя Прибалтийские советские республики и часть Белорусской ССР. В рейхскомиссариат «Украина», который возглавил гаулейтер Восточной Пруссии Э. Кох, была включена большая часть Украинской ССР. Рейхскомиссариату «Остланд» подчинялись областные генеральные комиссариаты Эстонии, Латвии, Литвы и части белорусской территории, которой оккупанты присвоили название «Белая Рутения» (Weissruthenien) для того, чтобы не была очевидна историческая связь между русским и белорусским народами. В составе рейхскомиссариата «Украина» были созданы генеральные комиссариаты в Волыне-Подолии, Николаеве, Житомире, Киеве и Днепропетровске. Генеральные комиссариаты, в свою очередь, включали в себя окружные и городские комиссариаты, в состав которых входили районные и местные органы управления.

На рейхскомиссаров было возложено руководство «всеми сферами гражданского управления их областями». Из Берлина командующим оккупационными войсками вермахта генералу В. Бремеру в «Остланде» и генералу К. Критцингеру в «Украине» было дано указание оказывать поддержку рейхскомиссарам в их политической и управленческой работе и обеспечить внутреннюю военную безопасность. К рейхскомиссарам были прикомандированы высшие руководители СС и полиции – обергруппенфюреры СС Ф. Йеккельн в «Остланде» и Г.

Прютцманн в «Украине». При окружных генеральных комиссарах действовали руководители СС и полиции. Рейхсфюреру СС и полиции Г. Гиммлеру 17 июля 1941 г. было дано право через этих руководителей СС «отдавать директивы» рейхскомиссарам по вопросам, относящимся к обеспечению политической безопасности. Для решения вопросов в хозяйственной сфере рейхскомиссарам были приданы учреждения Экономического штаба Восток, которыми руководили люди, имеющие большой опыт работы на частных предприятиях на основе предписаний своего штаба.

Создание рейхскомиссариатов, ввиду упорного сопротивления Красной Армии продвижению немецких войск на Восток, растянулось до конца 1941 г. При этом захватчики шли по пути разрушения территориальной целостности и перекройки границ Белорусской ССР и Украинской ССР. 1 августа они включили белорусский округ Белосток и г. Брест в состав Восточной Пруссии, а Западную Украину (Галицию) – в состав «генерал-губернаторства Германской империи», которое было образовано на оккупированной части польской территории 29 октября 1939 г. Одновременно было объявлено о включении в рейхскомиссариат «Остланд» Литовской ССР. 30 августа украинская территория между Днестром и Бугом и Молдавия под названием Транснистрия были переданы под управление союзной Германии Румынии. 1 сентября в рейхскомиссариат «Остланд» были включены также Минск с прилегающей к нему областью, Латвийская ССР, а в рейхскомиссариат «Украина» – область между Пинском, Брестом, Каменец-Подольским и Могилевым. 20 октября в состав рейхскомиссариата «Украина» были включены также области Винницы, Первомайска, Черкасс, Киева, Житомира, а 15 ноября – области Николаева, Херсона, Никополя, Днепропетровска. 5 декабря было объявлено о включении в состав «Остланда» Эстонской ССР при сохранении на ее территории немецкой военной администрации [24, с. 123].

Из-за нарастающей силы отпора Красной Армии попыткам немецких войск захватить как можно больше советской земли нацистская верхушка была вынуждена отказаться от намерения включить в состав рейхскомиссариата «Украина» Черниговской, Сумской и Харьковской областей, Донбасса и Крыма, хотя и там позднее была создана немецкая гражданская администрация. На захваченных западных областях РСФСР власть все время находилась в руках командующих войсками. Созданию запланированного перед нападением на СССР рейхскомиссариата «Москва», территория которого должна была простираться от Москвы далеко за Урал, а также рейхскомиссариата «Кавказ» преградила путь Красная Армия.

В областях, где советская власть была установлена только в 1939–1940 гг., т.е. в Западной Украине и Прибалтике, оккупанты установили тесные контакты с националистами – противниками советской власти. Чтобы разобщить народы Советского Союза и привлечь националистов к сотрудничеству, оккупанты разрешили допустить «местное самоуправление» в Литве, Латвии, Эстонии и Белоруссии, как бы демонстрируя свое якобы особое доверие к литовцам, латышам, эстонцам и белорусам. Однако народам Прибалтики и Белоруссии было отказано в восстановлении собственной государственности. Так, вслед за вступлением немецких войск в Литву здесь без санкции германских властей националистами было создано правительство во главе с полковником К. Скирпой. Германское руководство отказалось его признать, заявив, что вопрос об образовании правительства в Вильно будет решаться только после победы в войне [18, с. 229–230]. На самом деле нацистская верхушка в Берлине не допускала и мысли о том, чтобы допустить восстановление государственности в Прибалтийских республиках и Белоруссии, решительно отвергала просьбы «расово неполноценных» коллаборационистов создать собственные вооруженные силы и другие атрибуты власти. Вместе с тем она охотно использовала их для формирования добровольческих иностранных частей германского вермахта, которые под командованием немецких офицеров участвовали в боевых действиях против партизан и на фронте, для службы немецким хозяевам в качестве бургомистров, деревенских старост, во вспомогательных подразделениях полиции и т.п. В рейхскомиссариате «Украина», учитывая специфику, вызванную отторжением от Украины значительной части территории, включенной в состав Транснистрии и генерал-губернаторства, а также планы захвата в дальнейшем всех ее богатств, в Берлине было решено «не создавать украинского самоуправления в политически целесообразной форме» [Там же, с. 231]. В оккупированных областях РСФСР, вопреки некоторым надеждам нацистов, благоприятных условий для развития коллаборационизма так и не возникло. Единой гражданской администрации, как и на Украине, там не было создано. Захваченные вермахтом области были разделены на округа, во главе которых стояли обер-бургомистры с аппаратом чиновников. Округ объединял 7–8 районов. В каждом из них имела районная управа. Район состоял из 6–7 волостей во главе с волостным старшиной [6].

Для экономической эксплуатации оккупированной территории СССР в Берлине была создана громадная военизированная государственно-монополистическая организация – Штаб экономического руководства «Восток». Его возглавляли два старых соратника Гитлера – заместитель Г. Геринга, председатель наблюдательного совета концерна «Герман

Геринг» статс-секретарь П. Кёрнер и начальник Управления военной промышленности и вооружения Верховного командования вермахта генерал-лейтенант Г. Томас. В их подчинении находился Экономический штаб «Восток» во главе с генерал-лейтенантом В. Шубертом, сфера деятельности которого распространялась на всю экономику. В состав этого штаба, кроме «руководящей группы», которая занималась также рабочей силой, входили группы, занимавшиеся промышленностью, сельским хозяйством, организацией работы предприятий, лесным хозяйством. В Экономическом штабе «Восток» с самого начала его деятельности доминировали представители немецких концернов: Мансфельда, Крупа, Цейса, Флика, «ИГ Фарбен». На 15 октября 1941 г. в нем насчитывалось без учета экономических команд в Прибалтике и специалистов по экономике в армии около 10 тыс. человек. Одним кварталом позднее ведущая группа 1а штаба экономического руководства «Восток» определила потребное количество персонала в 15 тыс. человек, из которых в наличии имелось 11 тыс. [10, с. 127].

Штабу экономического руководства «Восток» подчинялись также экономические инспекции, действовавшие в оперативном тылу немецких войск на Восточном фронте, экономические отделы в оперативном тылу армий в составе технических батальонов, частей специалистов по горнодобывающей и нефтяной промышленности, а также частей, занимавшихся выявлением и изъятием сырья, сельскохозяйственной продукции и орудий производства. Были созданы экономические команды в немецких дивизиях и экономические группы в полевых комендатурах. В немецких частях, занимавшихся захватом сырья, а также налаживанием работы захваченных предприятий, находились в качестве советников представители различных немецких концернов. Уполномоченному на захват металлолома и старого металла ротмистру В.-Г. Шу и генерал-инспектору по изъятию сырья в занятых восточных областях генералу В. Виттингу было предписано сдавать свои трофеи военным концернам Флика и «ИГ Фарбен» [24, с. 120–122].

Война против СССР рассматривалась нацистской верхушкой как война с расистскими целями. В разговоре с Раушнингем еще до нападения на Советский Союз Гитлер заявлял: «Одна из основных задач германского государственного правления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их» [12, т. 2, с. 557]. Цели других руководителей нацистского рейха были те же самые. Их не устраивала проводившаяся во времена кайзеровской

Германии политика германизации поляков, проживавших в ее восточной части. Они считали ошибочным стремление тогдашних властей заставить их отказаться лишь от своего родного языка, своей национальной культуры, говорить только на немецком языке, вести немецкий образ жизни и исполнять все немецкие законы. По их убеждению, славяне, как и евреи, и цыгане, не должны были проживать на той же территории, которую захватили немцы. Ярым сторонником такого решения вопроса в отношении славян и других народов СССР был рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер. В газете «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 г. в статье, озаглавленной «Германизировать ли?», он заявил: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, т.е. привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови» [Там же, с. 905].

Полное господство немцев и других представителей родственной им германской «высшей расы» на Востоке по решению, принятому Гитлером 16 июля 1941 г., должно было в будущем простираться, по крайней мере, до Урала. Он заявил: «Вся Прибалтика должна стать областью империи, Крым с прилегающими районами; волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область» [Там же, с. 397].

В планы установления нацистского «нового порядка» в Восточной Европе внес свой вклад начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Р. Гейдрих. В своем программном выступлении на совещании эсесовских руководителей 2 октября 1941 г. он заявил, что Европа после войны будет делиться на «германское великое пространство», где будет жить германское население – немцы, голландцы, фламандцы, норвежцы, датчане и шведы, и на «восточное пространство», которое станет сырьевой базой для германского государства и где «немецкий высший слой» будет использовать покоренное местное население в качестве «илотов», т.е. в качестве рабов [цит. по: 24, с. 118].

22 июня 1941 г. одновременно с планом разгрома Красной Армии под кодовым наименованием «Барбаросса» в действие вступил заранее подготовленный приказ Главного командования сухопутных войск (ОКХ) от 28 апреля 1941 г. «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск», в котором подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных

элементов». В соответствии с этим приказом, главную роль в массовом уничтожении коммунистов, комсомольцев, депутатов областных, городских, районных и сельских советов, советской интеллигенции, а также евреев, оставшихся на оккупированной части территории, стали играть созданные перед нападением на СССР главным управлением имперской безопасности (РСХА) карательные части, так называемые эйнзатцгруппы, обозначенные буквами латинского алфавита А, В, С, D. Эйнзатцгруппа А была прикреплена к группе армий «Север». Она действовала в прибалтийских республиках СССР. Руководил ею бригадефюрер СС В. Шталеккер. Эйнзатцгруппа В была предана группе армий «Центр», действовала в Белоруссии. Ею руководил группенфюрер СС А. Небе, начальник 5-го управления РСХА (криминальная полиция). Эйнзатцгруппа С была прикреплена к группе армий «Юг», действовала в Украине. Ее начальником был бригадефюрер СС О. Раш, инспектор полиции безопасности и СД в Кенигсберге. Эйнзатцгруппа D, прикрепленная к 11-й армии, действовала в южной части Украинской ССР и в Крыму. Ею руководил О. Олендорф, начальник 3-го управления РСХА (служба безопасности внутри страны) и одновременно главный управляющий делами Имперской группы по торговле. Кроме того, в оперативном тылу немецких соединений, наступавших на Москву, действовала карательная команда «Москва» во главе с бригадефюрером СС Ф.-А. Зиксом, начальником 7-го управления РСХА (мировоззренческие исследования и их использование) [24, с. 125].

В составе каждой эйнзатцгруппы насчитывалось от 800 до 1200 убийц из «войск СС», СД, уголовной полиции, гестапо и полиция порядка. Все они находились под юрисдикцией СС. Так, например, в состав эйнзатцгруппы А входило 990 человек, из них 340 человек относились к «войскам СС», 18 – к административной группе, 35 – к СД, 41 – к уголовной полиции, 133 – к полиции порядка, 89 – к вспомогательной полиции, 13 – к обслуживающим у персоналу (женщины). Кроме того, в этой эйнзатцгруппе служили 51 переводчик, 3 телеграфиста и 8 радиосвязистов [14, т. 7, с. 184].

Командиры и личный состав эйнзатцгрупп проявили себя особо свирепыми убийцами и грабителями. Следуя по пятам наступавших немецких войск трех групп армий, они уже к середине ноября 1941 г. истребили в Прибалтике и в Украине более 300 тыс. мирных советских граждан. Массовыми убийствами и грабежом они занимались почти до конца 1942 г. На их счету, по самым осторожным подсчетам, свыше миллиона человеческих жертв. Затем эйнзатцгруппы были формально ликвидированы и слились с составом тыловых войск [11, с. 371; 24, с. 127].

Поведение немецких военнослужащих с самого начала войны против СССР регламентировалось указом Верховным командованием рейха от 13 мая 1941 г. «Об особой подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск», в котором говорилось, что «действия против гражданского населения противника, совершенные лицами, принадлежащими к вермахту и его прочим службам, не подлежат обязательному преследованию, даже и в тех случаях, когда они являются одновременно военным преступлением или проступком» [10, с. 87], а также изданной 6 июня 1941 г. «Инструкций об обращении с политическими комиссарами» («Приказ о комиссарах»), в которой солдатам и офицерам вермахта предписывалось убивать на месте попавших в плен всех политических работников Красной Армии [23, с. 426–440].

В качестве дополнения к «Приказу о комиссарах» в середине июля 1941 г. представителями Верховного командования рейха было заключено соглашение, подготовленное Гейдрихом, с Главным управлением имперской безопасности о необходимости ээсовским командам выявлять и изымать с целью уничтожения «неприемлемых» в политическом и расовом отношении «элементов» из числа советских военнопленных, находившихся в лагерях сухопутных войск вермахта. К числу «неприемлемых» были отнесены не только советские партийные функционеры различных уровней, но и «все представители интеллигенции, все фанатичные коммунисты» и «все евреи» [21, с. 592].

Эти документы были нацелены на массовое уничтожение советских мирных граждан и военнослужащих. Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик – убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки» [цит. по: 9, кн. 3. с. 397].

Приказы немедленно убивать «подозреваемых» мирных граждан СССР, комиссаров, выявлять, а затем уничтожать «неприемлемые элементы» среди военнопленных, служили основанием для неограниченного террора и убийств, первыми жертвами которых были солдаты и офицеры Красной Армии. Этому учили немецких солдат их командиры. Рядовой одной из частей 16-й армии генерала Э. фон Буша, наступавшей в Прибалтике, вспоминал о том, как их инструктировали перед боями: «Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии... Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит прогрессу» [5, с. 27]. Об

отношении к советским женщинам-военнослужащим немецким солдатам в приказах, которые они получали от офицеров, говорилось: «Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан» [Там же, с. 28]. В дневнике ефрейтора П. Фогта, чья 23-я танковая дивизия воевала неподалеку от Харькова, была сделана следующую запись: «Этих девчонок мы связали, а потом их слегка поутюжили нашими гусеницами, так что любо было глядеть...» [22, с. 548].

«Моральной индульгенцией» на преступления военнослужащих был приказ командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Рейхенау от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на восточном пространстве». В этом приказе, одобренного многими генералами вермахта, говорилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение ее власти и истребление азиатского влияния на европейскую культуру... Солдат на Востоке не только воин, действующий по правилам военного искусства, но и носитель не знающей компромисса идеи нации... Поэтому солдат должен ясно понимать необходимость сурового, но справедливого возмездия по отношению к еврейскому недочеловеку... Снабжение продовольствием местного населения и военнопленных... является таким же неправильным пониманием человечности, как и раздаривание сигарет и хлеба...» [цит. по: 10, с. 140].

Эти бесчеловечные приказы неукоснительно соблюдались. Под Брянском, увидев наступающих немцев, население деревни Большая Березка спряталось в лесу. Им было приказано возвратиться. «150 стариков, женщин и детей возвратилось домой. После этого согнали их в колхозные амбары, перекололи всех штыками и перебили прикладами. 11 детей в возрасте 12–13 лет закопали живыми в землю» [5, с. 45].

О том, как захватчики расправлялись с военнопленным, можно судить по свидетельским показаниям красноармейца Д.Е. Быстрякова. Попав в немецкий плен, он стал свидетелем следующей сцены: «Нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкие солдаты вывели из строя капитана и двух красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, затем левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал у него нос, затем уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось, тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его... После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных, и нас опять загнали

в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли» [4, с. 124].

Об условиях содержания в лагерях для военнопленных красноречиво говорит записка министерального советника Ю. Дорша рейхслейтеру Розенбергу: «В лагере для военнопленных в Минске, расположенном на территории размером с площадь Вильгельмплац, находится приблизительно 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских пленнх. Пленные, загнанные в это тесное пространство, едва могут шевелиться и вынуждены отправлять естественные потребности там, где стоят... Военнопленные, проблема питания которых едва ли разрешима, живут по 6–8 дней без пищи, в состоянии животной апатии, вызванной голодом, и у них одно стремление – достать что-либо съедобное. Гражданские пленные в возрасте от 15 до 50 лет – жители Минска и его окрестностей. Эти гражданские пленные снабжаются питанием своими родственниками. Правда, питание получают только те, родственники которых с утра до вечера стоят с продуктами в бесконечных очередях, тянущихся к лагерю. Ночью голодающие гражданские нападают на получивших передачу, чтобы силой добыть себе кусок хлеба...» [17, с. 23].

Раненые советские солдаты, попавшие в плен, были обречены. Их добивали в госпиталях или на поле боя. Командующий 2-й танковой группы Г. Гудериан во время наступления на Москву приказывал: «с ранеными русскими нечего возиться – их надо просто приканчивать на месте» [4, с. 125].

В плену советские солдаты и офицеры получали совершенно недостаточное для выживания питание, не были обеспечены жильем. Их лагеря располагались на земле под открытым небом, окруженной колючей проволокой, чтобы не замерзнуть, им приходилось руками выкапывать себе норы, не получали они и медицинской помощи. Несмотря на это генерал-квартирмейстер сухопутных войск генерал Э. Вагнер 21 октября 1941 г. отдал распоряжение (оно касалось, прежде всего, ослабленных и нетрудоспособных) о резком сокращении норм выдачи продуктов питания военнопленным, находившимся в прифронтовых районах. В связи с этим еще более возросла массовая гибель военнопленных. На совещании Гальдера с командующими групп армий, состоявшемся в Орше (Белоруссия) 13 ноября 1941 г., командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. Бок поставил вопрос, что ему делать с русскими военнопленными, которые из-за истощения неспособны выполнять требуемую от них работу. В ответ на это Вагнер заявил: «Неработающие военнопленные в лагерях для военнопленных должны умереть от голода» [25, с. 241]. В результате до конца 1941 г. от голода, холода и побоев погибло не менее 2 млн. советских военнопленных.

Высшее политическое и военное руководство Германии пыталось не допустить огласке преступлений в отношении советских военнопленных. Но международная общественность узнала о них из ноты наркома иностранных дел СССР от 24 ноября 1941 г. всем странам, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. В ноте были приведены конкретные факты о многочисленных зверствах и расправах над советскими военнопленными. Правительство СССР выразило решительный протест против поправа германским правительством «элементарных норм международного права» и «норм человеческой морали» [12, т. 1. с. 429–433].

Немецкие захватчики стремились извлечь максимальную экономическую выгоду из эксплуатации оккупированных советских областей. На оккупированных территориях под угрозой смертной казни повсеместно вводился принудительный труд. Оккупанты силой оружия заставляли советских граждан работать по 10–12 и более часов на 8 тыс. промышленных предприятиях, захваченных немецким фирмам, и в создаваемых немцами сельскохозяйственных имениях. Рабочих за невыход на работу заключали в специальные лагеря, подозреваемых в саботаже расстреливали.

Каторжный труд коренного населения почти не оплачивался, рабочие и их семьи жили в страшной нищете и голоде. Не было создано учреждений, которые отвечали бы за их обеспечение продовольствием и товарами первой необходимости. Сотни тысяч советских людей были обречены на мучительную голодную смерть. «Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, – цинично заявлял рейхсфюрер СС Гиммлер, – интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует» [13, т. 3, с. 238].

В тяжелейшем положении оказалось крестьянство, попавшее под иго немецких оккупантов. Гитлеровцы лишили крестьян всех прав на землю, отнимали у них продовольствие, фураж, скот, облагали многочисленными налогами, поставками, различными штрафами. Все награбленное у советских крестьян вывозилось в Германию либо шло на снабжение германской армии. Совместные грабительские действия военных и гражданских оккупационных органов удовлетворяли потребность в продуктах трех групп армий в первый год войны следующим образом: хлебом – на 80%, мясом – на 83%, жирами – на 77%, картофелем – на 70%. В этих данных, однако, не отражено количество продуктов, забранных в оккупированных областях в ходе нелегальных реквизиций, а также для снабжения тыловых подразделений и служб. Кроме того, уже в 1941 г. значительное количество сельскохозяйственных продуктов было отправлено

в Германию. В сентябре нацистская пресса сообщила о прибытии первых продовольственных эшелонов в Берлин [10, с. 130].

Вследствие необузданного ограбления на оккупированной территории необычно быстро уменьшались запасы зерна и других аграрных продуктов, а также поголовье скота. 12-я танковая дивизия учредила, например, в своей полосе в начале ноября 1941 г. «изымание» всего скота, включая лошадей и кур, и, кроме того, отдала приказ о конфискации иных предметов обихода, в том числе простыней [Там же].

Особенно катастрофически развивались события в прифронтовых районах. Подробные данные об этом содержатся в отчете о совещании управления военной экономики и вооружений с участием офицеров для связи от восточных армий, которое проходило 29–30 декабря 1941 г. Например, офицер для связи от 16-й армии заявил, что полоса армии представляет собою «абсолютную пустыню без каких-либо тылов». В районе 18-й армии поголовье скота сократилось до 300 голов. В районе 9-й армии также находилось лишь 2–3 тыс. голов крупного рогатого скота и примерно 22 тыс. т зерна. Офицер для связи от 6-й армии сообщал, что армейская полоса «опустошена» примерно на глубину 100 км. Лишь в местах расположения армий, находившихся в особенно плодородных сельскохозяйственных областях или там, куда войска продвинулись поздней осенью, запасы были несколько выше. Снабжение населения вообще не принималось во внимание [Там же].

Одним из первых мероприятий оккупационных властей был общий запрет производства различных товаров для населения, таких, как мыло, обувь, кожаные изделия, одежда и т.д., чтобы использовать соответствующее сырье для Германии.

Уже в первые месяцы войны проявилась картина невиданных преступлений, которые совершали немцы на оккупированных территориях. В ноте В.М. Молотова, направленной 25 января 1942 г. в страны, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения, раскрывалось картина бедствий и разрушений, грабежа и издевательств захватчиков над мирным населением, массового уничтожения беззащитных граждан. В ноте указывалось, что захватчики разрушили сотни городов, тысячи сел и деревень. Массовые расстрелы населения следовали за вступлением оккупантов в каждый город, в каждый населенный пункт, за которые, говорилось в заключении ноты, несет ответственность правительство Германии [12, т. 1, с. 504–517].

На оккупированной территории немецкие захватчики с беспощадной жестокостью уничтожали те культурные и научные ценности, которые не смогли вывезти. Центральное руководство этой варварской акцией,

проводимой в период всей войны, было возложено на специальный оперативный штаб, подчиненный Розенбергу. Его деятельность находила полную поддержку также и со стороны военного руководства Германии уже в ходе первых агрессивных кампаний Второй мировой войны. Для учета и эвакуации культурных ценностей из занятых восточных областей после нападения на Советский Союз была создана специальная инстанция под руководством чиновника Г. Утикаля. Его задача состояла в похищении исследовательских материалов и научных трудов из архивов и библиотек, предметов искусства из музеев и галерей и их переправке в Германию. Для этих целей уже весной 1941 г. в некоторых армиях были созданы специальные оперативные штабы Утикаля. В директиве начальнику тыла сухопутных войск от 5 апреля 1941 г. Верховное командование рейха требовало оказывать уполномоченному Розенберга «любое возможное содействие для осуществления скорейшего и четкого выполнения его задачи» [Там же, с. 84].

Министерство иностранных дел в ходе подготовки нападения на СССР также создало штаб для хищения документов самого различного вида — «спецкоманду фон Кюнсберг». Каждой из трех групп армий придавалась рабочая группа этого штаба. Подобным же образом был организован грабёж военных архивных материалов советского государства управлением начальника архивов сухопутных войск Германии.

Уничтожение культурных ценностей проводилось также немецкими войсками при наступлении в глубину советской территории. В приказе генерал-фельдмаршала В. Рейхенау «О поведении войск на Востоке» откровенно говорилось: «Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение ее власти и истребление азиатского влияния на европейскую культуру... войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное... должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения» [14, т. 3, с. 528].

В полном соответствии с этим преступным приказом только в России немецкие войска полностью разграбили музей великого русского композитора П.И. Чайковского в Клину, взорвали построенный в 1654 г. и реставрированный Казаковым и Растрелли Ново-Иерусалимский монастырь в Истре. Они разгромили, изгадили музей-усадьбу великого русского писателя Л.Н. Толстого в известной всему миру Ясной Поляне, сожгли дом-музей А.С. Пушкина в поселке Полотняный завод, его усадьбу в Михайловском и Святогорском монастыре, старательно уничтожили экспонаты в доме-музее великого ученого К.Э. Циолковского и устроили

там курятник. Таким образом, как справедливо отметил известный немецкий исследователь оккупационной политики нацистов Н. Мюллер, нападение Германии на Советский Союз было чудовищным преступлением против советского народа [10, с. 72].

Уверенное в своем военном превосходстве и в расчете на скорую победу нацистское руководство думало не о том, что ему все же придется когда-то ответить за варварское ведение войны, а о том, как расширить свое господство над просторами Советского Союза после его разгрома. 14 июля 1941 г. Гитлер в разговоре с японским послом в Германии генералом Х. Осима заявил, что «уничтожение России» является «политическим делом жизни Германии и Японии», что Россия является «вечным нашим врагом» и настаивал на заключении Японией военного союза с Германией против Советского Союза с целью раздела советской территории на две части. Власть Германии должна была простираться над российской территорией вплоть до г. Омска, а Японии – над всей остальной частью Сибири и Дальнего Востока вплоть до Владивостока [27, с. 548–549]. Но эта сделка не состоялась благодаря тому, что германский вермахт вскоре в сражении под Смоленском вынужден был временно перейти к обороне, а на Дальнем Востоке его границу надежно прикрывала сильная группировка советских сухопутных войск и военно-морских сил. Японское правительство хотя и развернуло в Манчжурии свою довольно сильную группировку сухопутных войск, но напасть на СССР не решилось в ожидании более благоприятного хода войны Германии на советско-германском фронте. Вместо нападения на СССР оно развязало 7 декабря 1941 г. войну на Тихом Океане против США и Великобритании, на чем сам же Гитлер настаивал перед нападением на СССР. Вместо заключения военного союза против СССР Германия, а вместе с ней и Италия, 11 декабря 1941 г. заключили с Японией военный союз, направленный против США и Великобритании.

Ведущая роль в разработке и осуществлении планов уничтожения населения не только Советского Союза, но и других народов Центральной и Восточной Европы принадлежала рейхсфюреру СС и полиции Г. Гиммлеру, назначенному Гитлером в 1939 г. «рейхскомиссаром по укреплению немецкой расы». 24 июня 1941 г. он поручил начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой нации, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план массовой депортации славян и евреев из Центральной и Восточной Европы с тем, чтобы высвободить пространство для заселения немцами. Этот план под названием «Генеральный план Ост» был представлен Гиммле-

ру уже 15 июля 1941 г. В нем предусматривалось в течение 25–30 лет изгнать с родных мест от 80 до 85% населения из занятых Германией польских земель, 85% граждан Литвы, 65% жителей Западной Украины, 75% жителей Белоруссии и по 50% населения Литвы, Латвии, Эстонии и Чехии. На территории, подлежащей немецкой колонизации, согласно этому документу, проживало 45 млн человек, в том числе до 5–6 млн евреев. Из этих 45 млн планировалось выселить за Урал в Сибирь не менее 31 млн человек, «нежелательных по расовым показателям». На их место после быстрого (как тогда считалось в Берлине) достижения победы в войне против СССР немедленно поселить до 840 тыс. немцев, а затем в течение 25–30 лет поселить на уже очищенные от «неполноценных» в расовом отношении коренных жителей еще две волны немцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек [8, с. 671–674; 24, с. 118].

Возникший вопрос о том, откуда брать столько людей для заселения земель на Востоке, Гитлер решал просто. В сентябре 1941 г. он заявил, что на землях, которые должны стать «провинциями рейха», необходимо проводить «планомерную расовую политику», а именно – направлять туда и наделять лучшими землями только представителями высшей расы, родственных по крови немцам норвежцев, шведов, датчан и голландцев [16, с. 36–37].

Подготовленный Мейером под указанию Гимmlера в июле 1941 г. оригинал «Генерального плана Ост» обнаружить в немецких архивах после войны не удалось. Однако его основное содержание известно по служебной записке, подготовленной для А. Розенберга в апреле 1942 г. референтом по расовым вопросам в отделе «Политика» Восточного министерства доктором Э. Ветцелем, в которой этот план был тщательно разобран и дополнен, а также по ряду других документов, в том числе протокола совещания в Главном управлении имперской безопасности в начале 1943 г., на котором в последний раз обсуждался вопрос о планах выселения славянского населения и колонизации Восточной Европы.

Ветцель в целом одобрил идею колонизации Центральной и Восточной Европы. Вместе с тем он критиковал «Генеральный план Ост» за то, что в нем оказалась приуменьшенной численность коренных жителей на занятых Германией земель Польши, Чехии, Прибалтики и Западной Украины. Население этих регионов, указывал Ветцель, составляло не 45, а 60–65 млн человек, а количество тех из них, которых следовало бы депортировать в Сибирь или уничтожить, составляет не 31, а 46–51 млн человек [24, с. 247].

Несмотря на крупное поражение немецких войск под Москвой зимой 1941–42 гг., Гитлер и его генералы все же надеялись, что им удастся

сокрушить СССР в 1942 г. На это надеялся и Гиммлер. По его приказу Мейер продолжил работу над планами расширения германского «жизненного пространства» на Востоке. В мае 1942 г. он подготовил меморандум под названием «Генеральный план Ост: Правовые, экономические и территориальные основы обустройства на Востоке». В нем шла речь уже не о депортации местного населения с захваченных вермахтом территорий, а о заселении их немцами и другими народами германской расы. В частности, намечалось после разгрома СССР «в течение кратчайшего срока» создать и заселить немцами три имперских округа: округ «Ингерманландия» на территории Ленинградской области, «Готский округ» на территории Крыма и Херсонской области, а также округ «Мемель-Нарев», в состав которого вошли бы Белостокская область и Западная Литва. Для обеспечения связи Германии с Ингерманландским и Готским округами намечалось построить две автострады, каждая протяженностью до 2 тыс. км. Одна из них доходила бы до Ленинграда, а вторая – до Крымского полуострова. Вдоль автострад планировалось создать на занятой немцами территории 37 военизированных немецких поселений, так называемых «опорных пунктов»: 14 – в Польше, 9 – на Украине и 14 – в Прибалтике. Власть в округах должна была принадлежать эсэсовскому аппарату управления во главе с Гиммлером. Он должен был сам решать вопросы, связанные с предоставлением немецким поселенцам прав на владение земельными участками. Согласно Мейеру, на строительство автострад, размещение в трех округах 5 млн немцев и обустройства их хозяйства потребовалось бы 25 лет и до 66,6 млрд рейхсмарок капиталовложений [24, с. 427].

Гиммлер в принципе одобрил этот проект, но потребовал, чтобы в нем была предусмотрена «тотальная германизация Эстонии, Латвии и генерал-губернаторства», т.е. заселения их немцами в течение примерно 20 лет. В сентябре 1942 г., когда немецкие войска вышли к Сталинграду и в предгорья Кавказа, Гиммлер на совещании с командирами частей СС в Житомире заявил, что сеть немецких опорных пунктов, т.е. военизированных поселений, будет расширена до Дона и Волги.

«Генеральный план поселений» с учетом пожеланий Гиммлера по доработке апрельского плана был готов 23 декабря 1942 г. [24, с. 428–429]. Главными направлениями колонизации в нем были признаны северное (Восточная Пруссия – Балтийские страны) и южное (Краков – Львов – Причерноморье) направления. Предполагалось, что территория будущих поселений будет равняться 700 кв. км, из которых 350 тыс. км будут пахотными землями, в то время как вся территория рейха в 1938 г. равнялась 583 тыс. кв. км. [8, с. 674].

27 апреля 1942 г. после того, как потерпел поражение план молниеносного разгрома СССР, один из активных разработчиков «Генерального плана Ост» доктор Э. Ветцель подготовил для Гиммлера документ, в котором он упрекал Мейера в том, что тот в своих разработках практически ничего не сделал, чтобы был подготовлен план депортации русских и заселения их земель немцами, и сообщил о том, что один из известных немецких антропологов вдруг обнаружил, что представление о русских как о «недочеловеках» оказалось неверным, т.к. многие из них относятся к «арийской» расе, т.е. по своей природе ничем не хуже немцев. Отсюда Ветцель делал вывод, что «без полного уничтожения» или ослабления разными способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, – писал он. – Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их» [цит. по: 19, с. 290–291].

В период разработки «Генерального плана Ост» в 1941–1942 гг. расселение немцев на захваченной территории советской Прибалтики и на Украине проводилось только в экспериментальном порядке. Такая акция была проведена в юго-западной части Литвы. Туда было начато переселение 30 тыс. немцев, репатриированных из Прибалтики в Германию в 1939–1940 гг. [8, с. 674]. После разгрома немецких войск под Сталинградом зимой 1942–43 гг. все работы в Германии, связанные с планированием послевоенного «нового порядка» в Европе, были по приказу Гитлера прекращены.

Продолжение следует.

Библиографический список

1. В семье единой. Национальная политика большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1958.
2. Война Германии против Советского Союза. 1941–1945: Документальная экспозиция. Берлин, 2000.
3. Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942 / Пер. с нем. М., 2004.
4. Дюков А.Р. За что сражались советские люди. М., 2007.
5. Истребительная война на Востоке: Преступления вермахта в СССР, 1941–1944 / Под ред. Г. Горцка и К. Штанга. М., 2005.
6. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.
7. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР: Истоки, планы, реализация (1.IX.1939–19.XI.1942). Кишинев, 1981.
8. Мадайчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая

- война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. / Пер. с нем.; Под ред В. Михалки. М., 1996. С. 671–680.
9. Мировые войны XX века: В 4 кн. / Рук. проекта О.А. Ржешевский. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005.
 10. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1945) / Пер. с нем. М., 1974.
 11. Ни давности, ни забвения: По материалам Нюрнбергского процесса / Под ред. Л. Смирнова. М, 1985.
 12. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. I–II. М., 1954.
 13. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 7 т. Т. III. М., 1958.
 14. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. М., 1997. Т. 3, 7.
 15. Одесса в Великой Отечественной войне Советского союза: Сб. документов и материалов. Одесса, 1950. Т. 2.
 16. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер с нем. М., Смоленск, 1993.
 17. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944: Документы и материалы / Сост. З.И. Белуга, Н.И. Каминский, А.Л. Манаенко и др.; Под ред. П.П. Липило, В.Ф. Романовского. 2-е изд. Минск, 1965.
 18. Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.
 19. Тоталитаризм в Европе XX века: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Дабкин Я.С., Дамье В.В., Шубин А.В. и др.; Рук. авт. колл. Я.С. Дабкин, Н.П. Комолова. М., 1996.
 20. Фогт М. Откровения в ожидании победы // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем.; Под ред. В. Михалки. М., 1996. С. 503–512
 21. Штрайт К. Советские военнопленные – массовые депортации – принудительные рабочие // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем.; Под ред. В. Михалки. М., 1996. С 589–600.
 22. Эренбург И. Г. Война, 1941–1945: Ст. / Сост., предисл., коммент. Б.Я. Фрезинского. М., 2004.
 23. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4.
 24. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1975. Bd. 2.
 25. Die tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich / Hrsg. von H. Möller, V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A.A. Feiber. München, 2001.
 26. Madajczyk Cz. Deutsche Besatzungspolitik in Polen, in der UdSSR und den Ländern Südosteuropas // Deutschland. 1933–1945: Neue Studien zur nationalistischen Herrschaft / Hrsg. von K.-D. Bracher, M. Funke, H.A. Jacobsen. Bonn, 1992.
 27. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939–1941. 2 Bd. / Hrsg. von A. Hillgruber. Frankfurt/M, 1967. Bd.2.

Д.А. Купряжкин

Тенденции развития финансовой системы Европейского Союза: опыт Европейского центрального банка на открытом рынке в конце XX века

В статье автор анализирует опыт использования различных финансовых операций на открытом рынке еврозоны в 1990-х гг. Европейский центральный банк представлен как орган, осуществляющий все свойственные банковскому учреждению функции, и одновременно как институт, наделенный распорядительной властью и правом издания правовых предписаний. Финансовые операции Европейского центрального банка рассмотрены как совокупность инструментов денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: Европейский центральный банк, денежно-кредитная политика, открытый рынок, Европейская система центральных банков, система TARGET.

Особенность денежно-кредитной политики как орудия государственного регулирования заключается в косвенном характере ее воздействия на экономику. Основными задачами денежно-кредитной политики являются смягчение циклических колебаний в экономике, стабилизация цен и стимулирование экономического роста, обеспечение оптимального платежного баланса. Эти цели за довольно длительный срок не претерпели значительных изменений, только периодически происходит смена приоритетов и идут большие дискуссии о методах решения поставленных задач.

Ключевым элементом банковской системы любого развитого государства сегодня является центральный банк, выступающий проводником официальной денежно-кредитной политики. В свою очередь денежно-кредитная политика, наряду с бюджетной, составляет основу всего государственного регулирования экономики.

Операции на открытом рынке являются одним из наиболее оперативных и гибких инструментов денежно-кредитной политики центрального банка, особенно в том случае, когда их проведение базируется на современных технологиях функционирования рынка ценных бумаг. Данный инструмент является преобладающим при осуществлении регулирования ликвидности банковской системы во многих развитых странах.

Особенности проведения операций на открытом рынке в различных странах во многом зависят от уровня развития либо рынка

государственных ценных бумаг, либо рынка облигаций центрального банка. Кроме того, наличие того или иного сегмента финансового рынка еще не гарантирует возможность эффективного проведения данных операций в связи с тем, что немаловажным фактором при выборе инструмента являются взаимоотношения между правительством и центральным банком. Можно отметить следующие основные принципы данных взаимоотношений:

- будет ли центральный банк иметь операционную независимость в своих действиях при проведении денежно-кредитной политики;
- кто будет нести расходы по поддержанию уровня процентных ставок, приемлемого для развития экономики.

Денежно-кредитная политика в промышленно развитых странах рассматривается как инструмент экономической конъюнктуры, как оперативное и гибкое дополнение бюджетной политики. Сложившаяся мировая практика показывает, что через денежно-кредитную политику государство воздействует на денежную массу и процентные ставки, а они, в свою очередь – на потребительский и инвестиционный спрос.

В данной статье мы рассмотрим некоторые особенности операций на открытом рынке Европейского центрального банка в связи с введением единой валюты на территории ЕС.

Создание Европейского центрального банка стало значительным событием не только в области мировой экономики, но и в политической сфере. Ряд функций национальных центральных банков был добровольно делегирован странами-участницами Европейскому центральному банку, который теперь несет ответственность за экономическую стабильность Еврозоны. Европейский центральный банк – это, прежде всего, центральный банк, осуществляющий все свойственные банковскому учреждению функции, и одновременно это институт, наделенный распорядительной властью и правом издания правовых предписаний. Европейский центральный банк постепенно становится вторым после банков Федеральной Резервной системы органом денежно-кредитного регулирования, способным оказывать существенное влияние на развитие мировой экономики.

Для проведения общей валютной политики стран-участниц Экономического валютного союза (ЭВС) создана Европейская система центральных банков (ЕСЦБ), которая состоит из Европейского центрального банка и национальных центральных банков.

Согласно Маастрихтскому договору (Голландия, декабрь 1991 г.), основной целью Европейской системы центральных банков является поддержание стабильности цен. В ее задачи также входит разработка и проведение экономической политики, проведение международных валютных

операций, хранение официальных резервов иностранной валюты государств-членов и управление ими, содействие плавному функционированию платежной системы. Европейская система центральных банков и Европейский центральный банк действуют на самостоятельной основе, независимо от других органов сообщества и национальных правительств.

Одновременно вступил в силу приложенный к Маастрихтскому договору Протокол об Уставе Европейской системы центральных банков и Европейского центрального банка. Этот Протокол определяет цели и задачи Европейской системы центральных банков, внутреннюю структуру и организацию, порядок функционирования и контроль, систему органов Европейской системы центральных банков, статус Европейского центрального банка и их юрисдикцию.

В настоящее время под стабильностью цен понимается прирост гармонизированного индекса потребительских цен, составляющий во всей зоне евро менее 2%. Придерживаться этого уровня Европейский центральный банк намерен на среднесрочной основе, т.е. краткосрочное его превышение не повлечет автоматического введения каких-либо экстренных мер. Оценка перспектив ценовой динамики проводится для того, чтобы дополнить имеющуюся у Европейского центрального банка информацию о движении денежной массы другими характеристиками хозяйственного развития. Эти характеристики включают в себя: динамику заработной платы, обменных курсов, цен на долгосрочные государственные облигации; показатели производственной активности и потребительского спроса, индексов цен и издержек производства, изменения налоговых ставок.

Капитал Европейского центрального банка составляет 5 млрд. евро. Его единственными подписчиками и держателями являются национальные центральные банки государств-членов.

Валютная политика Европейская система центральных банков проводится при помощи трех основных инструментов: 1) операций на открытом рынке; 2) суточных операций депозитов; 3) нормы обязательных резервов [3].

Европейский центральный банк очень активно применяет операции репо в своей практике. После создания Европейского денежного союза в январе 1999 г. было принято решение заменить ранее используемые национальные инструменты денежно-кредитной политики.

Инструменты Европейского центрального банка включают в себя прямое кредитование, операции на открытом рынке, а также резервные требования. Указанные инструменты разработаны таким образом, чтобы уменьшить количество операций по тонкой настройке и получить возможность децентрализованно проводить единую денежно-кредитную

политику. Расчеты по сделкам репо с контрагентами из разных европейских стран в большинстве случаев проводятся через их национальные центральные банки. В настоящее время в странах, где операции репо являются основным инструментом денежно-кредитной политики, на местном уровне все расчеты по данным операциям проходят на условиях поставки против платежа.

Для исполнения расчетов по операциям, проводимым для целей денежно-кредитной политики в еврозоне, используется система TARGET (Трансъевропейская автоматизированная экспресс-система брутто-расчетов в режиме реального времени – Trans-European Automated Real-Time Gross Settlements Express Transfer – TARGET).

Система состоит из трех элементов: 1) национальные системы валовых расчетов в режиме реального времени во главе с национальным центральным банком; 2) системы взаимосвязи между ними; 3) Европейский центральный банк. Система действует на децентрализованной основе, т.е. трансграничные платежи проходят через национальные центральные банки, минуя Европейский центральный банк.

Система TARGET обеспечивает быстрое исполнение платежей между европейскими странами, создавая тем самым предварительные условия для интегрированного финансового рынка в еврозоне. Система была поставлена на испытание в июне 1997 г., постоянно использоваться стала с июня 1998 г. Система TARGET, через которую проходит около 25% всех трансграничных платежей в Европейском Союзе, напрямую связана с национальными клиринговыми системами RTGS (Real-Time Gross Settlements) и позволяет выполнять платежи в режиме реального времени при наличии достаточного покрытия на счете банка-плательщика. Главная задача системы TARGET – сократить время прохождения платежей между финансовыми институтами зоны евро и максимально гарантировать их безопасность. По своей природе TARGET рассчитана на обработку особо крупных платежей, средний размер одного клиентского платежа составляет 1 млн евро, а межбанковского – 16 млн евро. Через систему осуществляются платежи, связанные с операциями Европейской системы центральных банков, регулированием дневного сальдо систем нетто-расчетов, межбанковские расчеты по сделкам на денежном рынке и операциям по обмену валюты.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что эффективное денежно-кредитное регулирование, осуществляемое Европейским центральным банком, способствует появлению новых тенденций в экономике зоны евро. Нельзя не отметить ту высокую ответственность за экономическое положение стран-участниц, которая возложена на

Европейский центральный банк – выбор целей и приоритетов, разработка соответствующей стратегии и тактики кредитно-денежной политики, а также ее реализация посредством разнообразных инструментов и методов, которая требует немалых сил для поддержания стабильности функционирования банковской и денежной систем всех государств Европейского Союза.

Библиографический список

1. Алексанян В.М. Операции центрального банка на открытом рынке: Дис. ... канд. экономич. наук. М., 2000.
2. Анулова Г.Н. Международные валютно-финансовые организации и развивающиеся страны. М., 1988.
3. Европейский союз на пороге XXI века / Под ред. Ю.А. Барка, О.В. Буторина. М., 2001.
4. Рубцов Б.Б. Зарубежные фондовые рынки: инструменты, структура, механизм функционирования. М., 1996.
5. Payment systems in the European Union. European Monetary Institute, 1996.

М.В. Балашова

Общественное участие на местах как драйвер социальной модернизации

В статье поднимается вопрос о модернизации как важнейшей составляющей современного политического процесса в России. В качестве источника модернизационного развития объявляется муниципальный институт общественного участия – участие населения в местном самоуправлении России.

Ключевые слова: социальная модернизация, политический процесс, местное самоуправление, общественное участие, территориальное общественное самоуправление.

Модернизационная повестка, наполняющая политический процесс при президентстве Д.А. Медведева и, как заявлено, сохраняющая преемственность в новом политическом цикле, должна определять все стороны общественного развития. Безусловно, данный политический приоритет должен влиять и на развитие социальной сферы. Заявленная стратегия на социальную модернизацию включает гражданскую проблематику – создание новых стимулов для гражданской активности, социального действия, новых форм участия населения в жизни государства. На наш взгляд, возможно говорить о том, что в российском обществе достигнут определенный общественно-властный консенсус по вопросу перехода к модернизационной стадии развития. Поэтому нынешний этап отличает задача выбора тех институтов, которые станут основными драйверами социальной модернизации.

На модернизационной стадии должен пересматриваться формат общественно-властных коммуникаций. Сложившиеся практики совершенными назвать нельзя. Модернизационный импульс дает хорошие шансы внести свежие решения в исторически сложный для страны вопрос диалога общества и власти. Здесь приведем несколько сюжетов, которые

активно обсуждаются в политических, научных и экспертных кругах. Во-первых, тезис о том, что опасения по поводу неконтролируемого развития гражданских инициатив должен меняться на максимальное взаимодействие и стимулирование общественного сектора. Как отметил Президент РФ Д.А. Медведев в своем докладе «Современное государство в эпоху социального многообразия» в рамках Мирового политического форума в Ярославле, «сложное общество, в котором много групп и центров влияния, требует от нас и дальнейшей децентрализации, передачи части государственных функций общественным организациям и полномочий с верхних уровней на региональный, муниципальный уровень. Это вектор развития Российского государства. Это очевидный вектор развития и большинства государств мира» [2]. Этот призыв получает решительную поддержку на местах. Как отмечают в докладе «Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем» эксперты Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, «перспектива модернизации – социальное развитие, направляемое гражданским обществом с опорой на государство и в постоянном тесном сотрудничестве с ним» [7, с. 8].

Важный сюжет современного политического процесса связан и с тем, что намечаются серьезные сдвиги в соотношении форм прямой и представительной демократии. Речь идет, в том числе, о приближении прямой интернет-демократии, о чем говорит и сама политическая элита. «Очевидно, что впереди нас ждет не только опосредованная, или представительная, демократия, но и непосредственная, или прямая, демократия, которая ведет к тому, что люди путем моментального волеизъявления могут показать, чего они хотят, добиться конкретных результатов», – отмечает Президент РФ Д.А. Медведев [3].

В поисках новых институтов социальной модернизации, которые окажутся погруженными в быстро меняющуюся картину общественно-властного взаимодействия, особое внимание предлагаем уделить институту общественного участия на местах. Поворот в сторону муниципальной России следует оценить, скорее, как асимметричный ответ, идущий вразрез с привычной логикой государства на усиление государственных институтов. Но в то же время именно на местном уровне вызревают и крепнут те ростки социальной активности и гражданской ответственности, аналогов которым не найдешь в пестром российском гражданском обществе. Муниципальные формы общественного участия – это удобная площадка для большого социального эксперимента – строительства модернизированной системы взаимодействия и взаимопонимания общества и власти.

Проблеме общественного участия в местном самоуправлении неизменно уделяется внимание на уровне всех ключевых политических институтов – Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Общественной палаты РФ. Непосредственное участие первых лиц страны в совещаниях по вопросам развития местного самоуправления, в том числе обсуждение роли населения в местном самоуправлении, позволяет констатировать публичность данной темы и заинтересованность в ней со стороны политической элиты. Задача по созданию условий для соучастия граждан в управлении и самоуправлении, а, значит, развития общественного самоуправления ставится на самом высоком уровне. Основной проблемой, которая тормозит общественно-политическое участие граждан, называется сопротивление самой власти и отсутствие необходимых институциональных условий, социально-управленческое отчуждение в муниципальном управлении [6, с. 68]. Главным критерием оценки работы регионального руководства должен стать уровень доверия жителей; власть должна находиться в диалоге с народом. Такой же критерий оценки очевиден и для местной власти. Вместе с тем по-прежнему акцентируется невысокий уровень самоорганизации и самоуправления граждан [8].

Однако вместе с настороженностью власти проявляется и ее заинтересованность в общественных ресурсах на местах. Природу этого интереса следует раскрывать в том числе на уровне неформальных правил. Здесь заострим внимание только на одном мотиве заинтересованности. Муниципалитеты сталкиваются с невозможностью качественно исполнять свои обязанности в силу ограниченности ресурсов. На этом фоне происходит перекладывание ответственности за решение местных вопросов на объединения жителей. «В этих условиях население, создавая общественные объединения, берет на себя решение вопросов местного значения, а значит, и функции местного самоуправления. Тем самым общественные объединения институализируются в качестве элементов системы местного самоуправления. Поэтому решение проблем их институционализации объективно выступает как развитие института местного самоуправления, роль которого чрезвычайно важна на современном этапе развития России» [4, с. 52]. Данный вывод, который находит отражение в работах многих авторов, а также Общественной палаты РФ, представляется крайне важным: в сложных экономических условиях и проблематичности реализации эффективной социальной политики силами муниципалитета необходимо переосмыслить роль институтов самоорганизации жителей на местах в сторону их усиления и укрепления.

Взаимосвязь проблематики местного самоуправления с проблемами развития демократии, гражданского общества в России очевидна. Такой подход предопределяет следующие условия к органам местного самоуправления:

- необходимость предоставления гражданам права принимать решения, которые наиболее серьезно затрагивают их повседневную жизнь;
- создание условий для участия в принятии решений;
- поддержка инициатив общественности;
- поощрение развитие связей между органами местного самоуправления и общественными организациями;
- создание инфраструктуры общественных объединений граждан для совместной деятельности;
- замена властных методов действий на методы взаимодействия и сотрудничества [9].

А насколько самому населению нужна практика участия в осуществлении местного самоуправления? На динамику общественного участия населения влияют многие факторы. Во-первых, очевидна взаимосвязь с уровнем доверия населения институтам власти в целом и органам местного самоуправления – в частности. По данным Фонда «Общественное мнение», администрации региона сегодня доверяют 36% населения, не доверяют – 51%, а руководству своего населенного пункта – 32% и 45% соответственно. В динамике уровень недоверия населения местным органам власти растет [5]. Во-вторых, социологи измеряют степень ответственности гражданина за происходящее в стране по месту жительства и для контраста – в семье. Так, ответственность или сопричастность к ситуации по месту жительства ощущают в значительной мере 24% населения, что в разы больше, чем к ситуации в городе, стране и мире и составляет примерно столько же (вместе с ответственностью «в полной мере»), сколько «на работе».

Предполагаем, что достаточно низкий уровень доверия населения власти, фиксируемый социологическими мониторингами, может привести к нарастанию общественного запроса на общественное участие – вовлеченности в разных формах в подготовку и принятие решений на уровне страны, города, места жительства. Участие в муниципальной жизни является наиболее близкой и понятной для россиянина социальной практикой. В этом можно увидеть предпосылку для подъема общественного участия именно на местном уровне. В продолжение темы весьма показательное мнение, озвученное на Всероссийском семинаре территориального общественного самоуправления 24–25 мая 2010 г. представителями администрации г. Иркутска: «...если эта общественная потребность не будет обеспечена соответствующей инфраструктурой (системой

встреч, советов, консультаций, общественных дискуссий, коалиционных проектов, нормативных актов, обозначающих «правила игры»), то она начнет складываться стихийно, порой неконтролируемо» [1].

Но, оценивая ситуацию со становлением института местного самоуправления в России в целом, следует признать, что к настоящему моменту создана современная модель организации местного самоуправления: учтены территориальные аспекты, сформированы органы местного самоуправления, организована муниципальная служба, исполняются вопросы местного значения, сформирована нормативная правовая база местного самоуправления. Причем территориальные, организационные основы, компетенция и ответственность органов, финансово-экономические основы претерпели в рамках реформы существенные изменения. Одна из основных целей муниципальной реформы напрямую касалась темы населения как активного субъекта местной жизни. Именно данная тема приобрела публичный характер и стала своеобразной «визитной карточкой» муниципальной реформы. Помимо объективной необходимости развивать общественные механизмы на муниципальном уровне, на ситуацию влияют следующие политические условия:

- невозможность муниципалитетов в силу ряда факторов качественно исполнять свои обязанности на местном уровне приводит к перекладыванию ответственности за решение местных вопросов на объединения жителей;
- чиновники продолжают опасаться гражданских инициатив; оказывает влияние фактор сопротивления самой власти институционализации общественного участия;
- в условиях ослабления традиционных политических институтов (например, представительной власти) власть ищет новые механизмы «обратной связи» с населением.

В этой связи институционализация общественных инициатив «снизу», в частности, движения территориального общественного самоуправления (ТОС), становится важным условием развития института местного самоуправления и гражданского сектора. Потребность в общественно-властном диалоге на местном уровне остра. Именно проблема неналаженного взаимодействия государства и общества представляет собой одну из самых системных, сложных и существенных проблем для России. Нужна не только политическая воля, но и технологизация диалогового процесса.

Библиографический список

1. Вовлечение населения в осуществление местного самоуправления. Опыт г. Иркутска // Стенограмма Всероссийского семинара ТОС 24–25.05.2010 г.

- Волгоград. URL: <http://www.golostos.ru/index.php?page=metodika&action=getArticle&id=139> (дата обращения: 11.09.2011).
2. Медведев Д.А. Выступление на Мировом политической форуме «Современное государство в эпоху социального многообразия», 8.09.2011 г., г. Ярославль. URL: <http://news.kremlin.ru/news/12612> (дата обращения: 16.09.2011 г.)
 3. Медведев Д.А. Выступление на Мировом политической форуме «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности», 10.09.2010 г., г. Ярославль. URL: <http://kremlin.ru/transcripts/8887> (дата обращения: 12.09.2011 г.)
 4. Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 1. С. 52–66.
 5. Местное самоуправление в зеркале общественного мнения / Дутов А., Елизаров А., Красниковский В., Терехин А. // Местное самоуправление в современной России: Аналитический доклад «Реализация законодательства Российской Федерации по вопросам местного самоуправления и основные проблемы развития местного самоуправления в современной России» / Под ред. А.Г. Воронина, Л.В. Гильченко, С.А. Трунова. Серия «Научные доклады». № 50. М., 1997.
 6. Рысаев И., Хабибрахманова Э. Участие социальных субъектов в принятии решений как основа преодоления социально-управленческого отчуждения в местном самоуправлении // Власть. 2010. № 8. С. 68–71.
 7. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: Докл. к XII Междунар. науч. конференции НИУ – ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апреля 2011 г. / Рук. проекта Л.И. Якобсон. М., 2011.
 8. Стенографический отчет заседания Государственного Совета по вопросам развития политической системы России. 22 января 2010 г. Москва, Кремль. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/6693> (дата обращения: 25.08.2011).
 9. Шомина Е.С. Соседское сообщество – ТОС – МСУ // Глобальные проблемы развития местного самоуправления. М, 2004. С. 33–58.

Т.А. Василенко

Современные проблемы развития человеческого потенциала в России

В статье выделены три блока проблем развития человеческого потенциала России, связанных с ее экономикой, образованием и здравоохранением. По каждому блоку проблем предложены основные направления их решения. Также в статье рассматривается понятие человеческого потенциала, основной индекс его измерения, составляющие и значения этого индекса.

Ключевые слова: человеческий потенциал, индекс развития человеческого потенциала, инновационная экономика, проблемы развития России.

Все чаще в литературе об экономическом развитии России встречаются упоминания о человеческом потенциале. И это неслучайно. Сложившаяся в нашей стране проблемная ситуация, связанная с поиском выхода из экономического кризиса и необходимостью перехода к инновационной экономике, наводит на мысль, что человеческий потенциал и его развитие, безусловно, способствует продвижению в этом направлении.

Необходимо дать определение понятию «человеческий потенциал», под которым понимают совокупность основополагающих прав, способностей, возможностей индивида или территориальной общности, уровень развития и реализации которых повышает (или снижает) производительность жизнедеятельности социума [8, с. 47]. Иными словами, человеческий потенциал – это все возможности человека (или общества в целом), определяющие его предельную продуктивность.

В роли синонима термина человеческий потенциал зачастую выступает человеческий капитал, однако, несмотря на определенные сходства, выражающиеся, прежде всего в том, что в них включаются такие понятия, как образование, здоровье, интеллект, качество жизни и т.д. – человеческий потенциал и человеческий капитал вовсе не тождественны друг другу. Понятие человеческого капитала можно представить как денежные инвестиции в различные профессиональные качества индивида, в то время как человеческий потенциал отражает возможности человека в его самореализации и максимальной продуктивности. Иными словами, понятие человеческого потенциала более многогранно и его невозможно выразить лишь в стоимостных затратах на приобретение полезных навыков и умений.

Разумеется, это не означает, что человеческий потенциал не поддается измерению. Наиболее распространенным показателем измерения

человеческого потенциала является индекс развития человеческого потенциала. Он является интегральным показателем, рассчитываемым ежегодно для межстранового сравнения человеческого потенциала и измерения уровня жизни, образования и долголетия как основных характеристик человеческого потенциала. Индекс развития человеческого потенциала ежегодно рассчитывается экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов, использующими в своей работе, наряду с аналитическими разработками, статистические данные национальных институтов и различных международных организаций.

Максимальное значение индекса развития человеческого потенциала может быть равным единице, в зависимости от него страны принято классифицировать по уровню развития: с очень высоким (0,785–1), высоким (0,670–0,784), средним (0,480–0,679) и низким (менее 0,480) уровнем индекса развития человеческого потенциала [3, с. 143].

На сегодняшний день существуют сложные и разнообразные проблемы развития, сохранения и реализации человеческого потенциала, порождающие нынешнее состояние нашей страны. Промышленное производство, сельское хозяйство, как и многие другие сферы экономики, слабо развиты.

Источником экономического развития России могут оставаться большие запасы минерального сырья. Продолжая развивать «сырьевую экономику» и организовывая экспорт сырья, экономика может получать необходимые для своего функционирования ресурсы. Существует мнение, что Россия просто обречена двигаться по такому «сырьевому пути», иными словами, страна может стабильно развиваться, если отдаст приоритет развития добывающей промышленности, создав в ней совершенную инфраструктуру, вложив в нее капитал, сориентировав на нее научные исследования, адаптируя систему образования и т.д. Фактически последнее десятилетие экономика России движется по «сырьевому пути», сохраняя свою экспортно-сырьевую ориентацию (превысив в 2005 г. показатели Советского Союза по добыче энергоносителей). Между тем именно критическая зависимость экономики от экспортных цен на сырье говорит о бесперспективности такого развития.

Не стоит забывать, что помимо богатых запасов минеральных ресурсов, у России есть и другое богатство – человеческий потенциал. Развитие человеческого потенциала способствует переходу экономики России на принципиально иной путь развития, ведущий к инновационной экономике.

Инновационная экономика – это экономика, которая создает, распространяет и использует всевозможные инновации (новые знания) для

обеспечения своего роста и конкурентоспособности. Это такая экономика, в которой знания обогащают все отрасли, все секторы и всех участников экономических процессов. Это экономика, которая не только использует инновации в разнообразной форме, но также создает их в виде разнообразной высокотехнологичной продукции, высококвалифицированных услуг, научной продукции и образования [1, с. 19].

Во многом развитию инновационной экономики в нашей стране мешают проблемы, связанные с развитием человеческого потенциала. Индекс развития человеческого потенциала можно рассматривать как интегральный показатель уровня человеческого потенциала, измеряющий:

- уровень жизни, через валовый национальный доход по паритету покупательской способности на душу населения (под паритетом покупательской способности подразумевают количество товаров и услуг, которые можно купить на одинаковую сумму денег в разных странах);
- ожидаемую продолжительность жизни как главный индикатор здоровья;
- уровень образования, зависящий от ожидаемой продолжительности обучения детей школьного возраста и средней продолжительностью обучения взрослого населения.

Рассматривая подобным образом индекс развития человеческого потенциала, можно выделить три блока проблем, влияющих на каждый из вышеуказанных компонентов.

I. Блок проблем, влияющих на уровень жизни (валовый национальный продукт по паритету покупательской способности на душу населения). Приведенный ниже перечень является далеко не полным, но охватывает наиболее важные проблемы.

1. Крайне высокий уровень инфляции в России, который значительно уменьшает валовый национальный продукт по паритету покупательской способности.

2. Ресурсоориентированность экономики, ее острая зависимость от экспортных цен на ресурсы, особенно на энергоносители.

3. Монополизация. Монополии существуют во всем мире. Но монополии России имеют свои особенности. Во-первых, монополизация рынка в России сложилась как наследие государственного монополизма социалистической экономики. В России распространены естественные монополии. Во-вторых, в российской экономике очень распространено такое явление, как «локальный» монополизм. Вследствие ненасыщенности рынка отдельные предприятия в регионах невольно оказываются в положении монополистов. Такие предприятия занимаются переработкой сельскохозяйственной продукции, торговлей и бытовым обслуживанием в малонаселенных отдаленных пунктах [4, с. 6].

4. Бюрократия. Под бюрократией понимают государственное управление, при котором дела сосредоточены в руках органов центральной правительственной власти, действующих по предписанию (начальства) и через предписание (подчиненным) [7, с. 57].

5. Высокий уровень коррупции, неразрывно связанный с бюрократией. Для сравнения и оценки уровня коррупции используется Индекс коррупции, рассчитываемый «Трансперенси Интернешнл». В 2010 г. по этому показателю Россия заняла 154 место (всего исследованы 178 стран) [6]. Если рассмотреть динамику изменения этого показателя, то видно, что с 2000 г. ситуация абсолютно не изменилась. Кроме того, согласно опросам «Левада-центра», в 2008–2009 гг. 50% респондентов называли коррупцию в числе главных препятствий на пути экономического подъема в России [5].

II. Следующий блок проблем – это проблемы, влияющие на здоровье нации.

1. Рост смертности от болезней, связанных с системой кровообращения, в отличие от западных стран, где наблюдается обратная тенденция.

2. Большое количество смертей, связанных с болезнями органов дыхания и инфекционными болезнями.

3. Высокая смертность в результате несчастных случаев и убийств, а также самоубийств в трудоспособном возрасте.

4. Особенно низкая продолжительность жизни мужчин, связанная с высоким потреблением алкоголя и табакокурением.

5. Неблагополучная экологическая обстановка во многих городах России. Так, по оценкам авторов доклада о развитии человеческого потенциала в РФ за 2009 г., загрязнение атмосферного воздуха обуславливает до 3% от общей смертности городского населения, из которых не менее 15–20% – вклад топливно-энергетического комплекса. В некоторых населенных пунктах с высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха в результате деятельности ГРЭС или ТЭЦ, работающих на угле, эта доля еще выше и может достигать 30–40% от дополнительной смертности, вызванной загрязнением атмосферного воздуха [2, с. 180].

III. Проблемы, связанные с образованием. Из трех составляющих индекса развития человеческого потенциала уровень образования в Российской Федерации всегда был выше прочих компонентов индекса. Так, в 2009 г. индекс уровня образования составил 0,917. Чтобы понять высокое значение индекса, достаточно представить, что если бы индексы уровня жизни и долголетия были бы равны индексу образования, Россия с 65 места в 2010 г. поднялась бы до 3 места. Однако это не означает, что у России нет проблем с образованием: напротив, это показывает недостаточную

проработанность индекса развития человеческого потенциала в области образования, отражающего лишь ожидаемую продолжительность обучения детей и среднюю продолжительность обучения взрослых. Сегодня можно выделить следующие проблемы образования в России.

1. Относительно невысокая зарплата учителей и преподавателей, как следствие, отсутствие у них мотивации к улучшению качества преподавания.

2. Отсутствие достаточной и современной учебно-лабораторной и учебно-методической базы для проведения учебного процесса.

3. Недостаточная мотивация большинства учащихся к получению полноценных и качественных знаний, навыков, умений.

4. Утрата связей с предприятиями промышленности (в 1990-х гг.) и, как результат, ведение обучения в отрыве потребностей сегодняшнего дня.

5. Проблемы с признанием полученного в России высшего образования в других странах.

По нашему мнению, экономические проблемы первого блока можно решить, осуществляя преобразования в экономике по следующим направлениям:

- либерализация, т.е. снятие всевозможных административных и бюрократических ограничений; либерализация приводит в гармонию интересы производителей и потребителей, поощряет внедрение новых технологий, устраняет дефицит и перекосы в структуре экономики, способствует улучшению качества товаров и услуг, уменьшает управленческий аппарат;
- демонополизация – процесс ликвидации монополий, диктующих условия рынку, направленный на создание свободной конкуренции как важного элемента рыночной экономики;
- повышенный контроль за деятельностью монополий;
- приватизация – разгосударствление экономики, передача (продажа) государственных предприятий в руки коллективов или частных лиц; цели приватизации: пополнение государственного бюджета, формирование многоукладной экономики и производственно-экономической самостоятельности товаропроизводителей;
- ориентация на ресурсосбережение (особенно на энергосбережение);
- переход к наукоемким технологиям (сегодня структурный сдвиг в пользу топливно-энергетического комплекса приводит к тому, что наукоемкие отрасли оказываются в роли аутсайдеров);
- борьба с коррупцией – тесно связана с разбюрократизацией общества; для успешной борьбы с коррупцией нужно широко освещать в СМИ факты коррупционной деятельности, ужесточить дисциплинарную, уго-

- ловную, гражданско-правовую ответственность за любое проявление коррумпированности, создать и контролировать системы государственного учета всех видов доходов и расходов чиновников и их семей;
- увеличение доли безналичных денежных платежей в денежном обращении нашей страны, более жесткий контроль со стороны государства за тарифами на энергоносители и сферой ЖКХ.

Для борьбы с инфляцией можно ввести прогрессивную шкалу налогообложения физических лиц. Наиболее важная роль в борьбе с инфляционными процессами отводится Центробанку. В наибольшей степени инфляция зависит от объема предложения денег. Поэтому Центробанк, регулируя объемы денежной массы, регулирует и уровень инфляции. Помимо прочего, важным инструментом борьбы с инфляцией является грамотное осуществление государственных расходов, не провоцирующих рост цен.

Проблемы второго блока решаются с помощью следующих действий:

- дополнительные инвестиции в научные исследования и внедрение их результатов в области медицины;
- пропаганда здоровья и здорового образа жизни;
- проведение различных федеральных программ и поддержка здравоохранения.

И, наконец, проблемы третьего блока решаются с помощью следующих действий:

- повышение зарплаты учителям и преподавателям, создание дополнительной мотивации к улучшению качества преподавания;
- дополнительные инвестиции в создание современной учебно-лабораторной и учебно-методической базы;
- налаживание тесных связей учебных заведений с действующими предприятиями;
- активная работой, направленная на признание в развитых странах высшего образования, полученного в России.

Кроме того, залогом дальнейшего успешного развития человеческого потенциала России является осознание того, что его развитие напрямую зависит от человеческого потенциала каждого из нас. Поэтому развитие нашего собственного потенциала неизбежно ведет не только к личному успеху, но и к высоким значениям индекса развития человеческого потенциала нашей страны.

Библиографический список

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2004 год / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2004.

2. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2009 год / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2010.
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ за 2010 год / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М., 2010.
4. Клюзина С.В. Монополия и локальная монополия как ее тип: история вопроса, методология, теория и практика: Дис. ... д-ра экономич. наук. Иваново, 2005.
5. Коррупция – главное препятствие на пути экономического подъема. Левада-центр, 22 июня 2009. URL: <http://www.levada.ru/press/2007062701.html> (дата обращения: 12.02.2011)
6. Рейтинг восприятия коррупции в странах мира. URL: <http://www.rian.ru/infografika/20101027/289524140.html> (дата обращения: 12.02.2011).
7. Сироткин В.Б. Современные тенденции и проблемы экономического развития: Учеб. пособие. М., 2009.
8. Человек. История. Культура: Исторический и философский альманах. Саратов, 2005.

И.А. Купцова

Культурная политика и потенциал самоорганизации российской провинции

В статье проанализированы особенности реализации государственной культурной политики России в условиях социокультурного пространства провинции. Выявлены возможности самоорганизации современной провинциальной культуры. Определены основные тренды позитивного развития современной провинции.

Ключевые слова: культурная политика, российская провинция, провинциальная культура, самоорганизация культуры.

В последние десятилетия проблемы будущего малых городов, локальных территорий и местных культур привлекают внимание исследователей многих стран мира в силу ряда причин. Среди них – осознание

значительных издержек жизнедеятельности человека в условиях мегаполисов, актуализация многообразного потенциала локальных культурных сообществ и пространств и признание культурного разнообразия основой современного общественного развития.

Зарубежный опыт общественных трансформаций, начавшихся в последней трети прошлого века, свидетельствует о формировании принципиального нового подхода к оценке потенциала культуры как ведущего фактора современной жизнедеятельности. Этому предшествовало сущностное изменение самого общества (прежде всего западноевропейского), столкнувшегося с процессами вывода промышленных производств в развивающиеся страны и необходимостью использования оставшихся материальных ресурсов, проблемами реорганизации культурных ландшафтов и преодоления возросшей безработицы. В это время произошло переосмысление феномена культуры, сопровождавшееся отказом от ее трактовки исключительно как сферы высокого искусства и признанием значительной роли культурной составляющей в современных бизнес-процессах и общественных практиках.

Для российской провинциальной культуры, обладающей значительным и разнообразным потенциалом и не меньшими масштабами проблем, необходим поиск благоприятных факторов, условий и тенденций, которые позволят ей развиваться на качественно новых основаниях. Современная провинция, по сравнению с центром, находится в особых социально-экономических условиях. Традиционные занятия (от ремесел дореволюционной поры до промышленного производства советского периода) практически перестали существовать в качестве необходимого и действенного ресурса развития местной культуры. Во многом утрачены связи по линии провинция–провинция, а модернизационные импульсы из центра достигают локального пространства в весьма ослабленном виде. В этой связи можно предположить, что ныне провинциальная культура находится в состоянии кризиса и бифуркационной точке своей динамики, выходы из которой могут быть вариативны и разнонаправлены (от гибели ее отдельных типов до возможности реализации нового аттрактора, говоря языком синергетической теории).

Нам представляется, что ситуация небезвыходная, несмотря на явный дефицит материально-технических, финансовых, информационных и организационных ресурсов. Провинциальная культура имеет ряд особенностей и характеристик, позволяющих говорить о ее скрытых возможностях и путях дальнейшего позитивного развития. В условиях ценностно-смысловой трансформации всего российского общества *провинция сохраняет значительный социальный, духовный и творческий*

потенциал, воплощенный, прежде всего, в местных жителях, выступающих в качестве субъектов культурной активности. В последнее время локальные сообщества демонстрируют способность к самоорганизации и заинтересованность в решении сложных вопросов перспективного развития конкретных территорий. Считаем, что провинциальные жители способны осмыслить сложившуюся ситуацию и найти верные пути выхода из нее, опираясь на аналогичный опыт других регионов и стран, с привлечением экспертного сообщества в условиях формирования и реализации сбалансированной государственной культурной политики.

Остановимся на определении понятия «государственная культурная политика», которая трактуется исследователями как особый инструмент стратегического управления страны, обеспечивающий ее целостность и раскрывающий перспективы ее социокультурного развития [4]. Это широкое понимание культурной политики включает конкретные механизмы управления сферой культуры, действие которых направлено на воплощение масштабных государственных стратегий.

Сфера культуры – это институционализованная область культурной деятельности, интегрированная в правовые и управленческие отношения. В данном случае сфера культуры выступает как одно из социальных подпространств общественной жизни, обладающее определенной структурой. В рамках сферы культуры воспроизводятся художественная культура, культурные блага, культурные товары и услуги [Там же]. Она включает сохранение и использование культурного наследия, художественное образование и детское творчество, искусство, творческую деятельность, исполнительство, концертную деятельность, организацию досуга и развлечений, любительство, этнографические искусства и ремесла, а также деятельность, их обеспечивающую [27, с. 8]. К последней относится экономика культуры (включающая менеджмент и маркетинг), право, финансирование, управление, технологии, информация, подготовка и переподготовка профессиональной среды и т.д.

В условиях общественных трансформаций возрастает значение культурной политики не только как механизма сохранения культурного наследия страны, но и в качестве средства актуализации ценностно-смыслового комплекса отечественной культуры и поиска оптимальных путей ее динамики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Согласимся с мнением В.М. Межуева в том, что отношения между культурой и властными организациями разных уровней в современном мире «обретают качественно иную форму по сравнению с той, которая характерна для обществ, базирующихся на традиционной системе отношений» [16]. Определяя ведущую роль государства в поддержке

«высокого искусства», главной задачей отечественной культурной политики философ считает преодоление культурных барьеров между разными слоями общества и обеспечение абсолютной доступности институтов культуры, культурного наследия, возможностей творческого развития и роста человеческого капитала. Развивая эту мысль, укажем также на необходимость поддержки классического и народного искусства, а также развития культурных индустрий и технологий, востребованных современным обществом.

Рассматривая состояние современной отечественной культурной политики, И.Г. Хангельдиева констатирует, что «все четыре институциональные составляющие культурной политики – экономическая, финансовая, законодательная и концептуальная – являются своеобразными рифмами, которые с трудом приходится преодолевать российской культуре» [30, с. 25].

Необходимость преобразования государственной культурной политики в настоящее время является очевидной. Немало времени потребовалось на трудный процесс переосмысления целей, задач и структуры культурной политики в постсоветский период трансформации российского общества. Проблемам, сферам и уровням культурной политики посвящен ряд публикаций отечественных [3; 7–9; 11–13; 21; 23; 25; 26] и зарубежных авторов [15; 18; 20], которые, обращаясь к различным аспектам формирования культурной политики, единодушны в ее оценке как сложного явления, требующего учета многочисленных факторов.

Вместе с тем к настоящему времени четко определены уровни государственной и региональной культурной политики, области компетенции каждого из них, а также возможные формы собственности и бизнеса в сфере культуры. Выделяется государственная культурная политика на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Рассмотрим коротко особенности каждого из них.

Федеральный уровень культурной политики предполагает разработку концепции развития сферы культуры России и мероприятий по ее реализации в масштабе всей страны. При этом разработка фундаментальных оснований культурной политики происходит в рамках теории управления, теории самоорганизации, теории модернизации.

Данный уровень культурной политики является определяющим для всех субъектов и уровней власти, формируя основные направления развития социокультурного пространства государства в целом. В частности, это проявляется в разработке и воплощении Федеральной целевой программы «Культура России 2006–2011», которая является продолжением ФЦП «Культура России 2001–2005». Цели, заявленные в тексте

программы, включают вопросы сохранения культурного наследия, формирования единого культурного пространства и прочее. Не преследуя в данной статье задачи подробного анализа указанной программы, ее существенных недостатков и слабой конкретики, укажем на один пункт, который представляется важным для парадигмы проводимого нами исследования. Речь идет об обеспечении адаптации сферы культуры к рыночным условиям [28], которые являются неотъемлемым фактором процессов трансформации современного российского общества.

Вместе с тем государственная культурная политика характеризуется рядом трудностей и существенных издержек, которые необходимо преодолевать. Одной из них является сохранение моментов спорности, неопределенности в распределении функций и сфер ответственности между различными ведомствами. Так, на федеральном уровне за последние двадцать лет неоднократно изменялись области общественной жизни, включенные в поле государственной культурной политики, связанные с отнесением к ведомственной принадлежности Министерству культуры РФ. Отметим, что современная сфера культуры выходит далеко за ведомственные рамки Минкультуры, т.к. вопросы СМИ и Интернета/Рунета находятся в ведении Министерства связи и массовых коммуникаций РФ, туризм – Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, образование – Министерства образования и науки РФ и т.д. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что большая часть явлений культуры вообще не поддается четкому институционализированию и не отражена в официальной деятельности министерств и ведомств.

Если рассматривать государственную культурную политику в широком контексте, то следует признать, что она не ограничивается только ведомственными механизмами управления сферой культуры. Она содержит более глубокие основания и стратегические цели, которые невозможно разделить по ведомственной принадлежности. Прежде всего, речь идет о формировании общенациональной картины мира и разработке общенациональных целей развития, направленных на поддержание, стимулирование, распространение имеющегося в обществе, в том числе – в региональных культурах, потенциала обновления [1, с. 215]. Государственная культурная политика строится на соблюдении интересов инновационного развития при сохранении традиций культуры; она должна отвечать стратегическим целям общественного развития и осуществляться во взаимодействии всех трех уровней (федерального, регионального и муниципального), различающихся по масштабам и перспективам, целям и задачам, возможностям их реализации.

Региональная культурная политика формируется на основе государственной культурной политики с учетом этно-национальных, исторических, географических, социально-экономических и др. условий конкретного региона. По сравнению с федеральным уровнем, региональная политика непосредственно отражает местные особенности и приближает заявленные федеральным центром направления культурного развития к реалиям локального социокультурного пространства [8].

На уровне регионов реализуются целевые программы в области культуры, направленные на сохранение материального и нематериального культурного наследия конкретного региона, развитие творческого потенциала населения, в том числе детей и молодежи. Одним из примеров может служить целевая программа «Культура Русского Севера 2011–2014», принятая правительством Архангельской области и продолжающая предыдущую, реализованную в 2006–2010 гг. Осуществление этой программы происходит во взаимодействии с международными культурными программами стран Баренцева Евро-Атлантического региона (БЕАР) [См. подробно: 19].

Взаимодействие Архангельской области со странами Баренц-региона подтверждает, что одним из направлений региональной политики может стать развитие культурных взаимодействий по линии регион – регион для формирования и реализации совместных проектов, минуя траекторию связей через центр. Укажем, что наряду с международным сотрудничеством, в рамках внутреннего межрегионального взаимодействия заключен значительный творческий потенциал, который позволит преодолеть многие острые ситуации на местах, не ожидая помощи центра.

Особую роль в непосредственном воплощении различных творческих проектов и культурных инициатив играет *муниципальный уровень* формирования и реализации культурной политики. Он развивается в соответствии со стратегиями федерального и регионального уровня культурной политики. Это проявляется в единстве федеральной законодательной базы, федеральных и региональных целевых программ в области культуры и искусства. Федеральная культурная политика на местах реализуется через государственные учреждения культуры и образования, государственные СМИ, отделения официальных творческих союзов и т.д.

Особенностью местного уровня реализации культурной политики является ее непосредственная и неразрывная связь с конкретными условиями локального социокультурного пространства, культурными потребностями и уровнем жизни населения. Также для этого уровня характерно тесное взаимодействие между местными представительными структура-

ми и местными властными органами различных министерств и ведомств (например, между отделом образования и отделом культуры местной администрации и т.д.). В отличие от политики на федеральном уровне, ее реализация в рамках муниципалитетов невозможна в отрыве от конкретики общественной жизни. Культурная политика на местах преимущественно связана со следующими сферами общественной жизни: организация и регламентация работы государственных учреждений культуры, находящихся на муниципальном бюджете, сохранение культурного наследия, художественно-эстетическое развитие детей и молодежи, подготовка и проведение праздничных мероприятий, формирование новых культурных практик и развитие культурных технологий, необходимых для позитивной динамики социокультурного пространства.

В связи с вышеизложенным можно утверждать, что *региональный и муниципальный уровни культурной политики обретают сегодня особую значимость, вызванную дистанцированностью федеральных властей от проблем культурного развития конкретных территорий, а также возрождением традиций самоорганизации местного сообщества и становлением малого и среднего частного бизнеса*. Провинция, характеризуясь как территориальной, так и ценностно-смысловой удаленностью от столичных культурных трендов, сохраняет возможность для проявления творческого потенциала своего культурного развития.

Переходное время, в котором находится современная русская культура, наиболее благоприятно для проявления активности на периферии. В частности, провинция может сыграть весомую роль в сохранении и трансляции культурного наследия, поскольку модернизация здесь идет медленно и неравномерно. В то же время в провинции могут отрабатываться новые эффективные модели развития социокультурного пространства, превратив провинции в «точки» выработки идей, которые затем можно распространять по линиям провинция – столица, провинция – провинция и провинция – село. Благоприятными факторами в данном случае выступает небольшой масштаб социокультурного пространства провинции, близость и непосредственное взаимодействие различных субъектов локальной культуры, а также острая необходимость поиска и отработки принципиально новых трендов ее динамики.

Предполагаем, что здесь своеобразно может сработать принцип «вызов – ответ», разработанный А. Тойнби. Если провинция не найдет адекватного выхода из сегодняшней кризисной ситуации, то ее дальнейшая динамика будет связана с рядом серьезных трудностей и неясностью перспектив развития. При этом поиск путей будущих изменений перемещается из сугубо экономической сферы в область культуры и духовного

потенциала, способного, во многих случаях, придать провинции новое направление динамики.

Считаем, что *главным ресурсом современной провинции выступает потенциальная творческая активность местных жителей*. Провинция по-прежнему остается вместилищем кадрового потенциала нашей страны. Общей тенденцией для русской провинции является значительный отток молодежи в крупные города и столицу. Это происходило и ранее, однако в настоящее время масштабы данного процесса значительно возросли. С одной стороны, нехватка рабочих мест, диспропорция экономического развития страны и размеров оплаты труда приводит к стремлению молодежи покинуть родные места. С другой – часто определяющее влияние на такое поведение людей оказывают средства массовой информации, а также контакты с уже уехавшими земляками, которые представляют жизнь в крупных городах как единственно возможный способ заработать и интересно жить. При этом негативные стороны оттока молодежи из провинции пока не получили глубокого анализа.

Вместе с тем, в этой сфере социокультурной практики есть прямо противоположная тенденция, оформившаяся в последние годы. Условно можно обозначить несколько типов молодежных групп, продолжающих оставаться в провинции, представители которых по-разному решают вопрос о своем будущем. В провинции ныне можно выделить категорию молодых людей, которые в принципе не задумываются о возможности переезда. Их жизнь развивается по заранее известному естественному сценарию: учеба в школе, работа, семья, дети, внуки и т.д. Интересы сосредоточены на уровне микромира семьи и провинциального сообщества. Основное времяпрепровождение связано с просмотром телевидения, встречами с друзьями и родственниками. Их можно условно назвать современными «провинциальными обывателями», часть из которых является культурными маргиналами.

Одновременно в провинциальной среде, по нашему наблюдению, нашедшему подтверждение в ряде социологических опросов [17; 22], *сформировался особый тип человека, который реализует себя в пространстве «малой родины»* и не стремится ее покинуть, осознавая издержки жизни в больших городах. Значительную роль в данном случае играет ценность сохранения семейных отношений, непосредственных дружеских контактов, размерности провинциальной жизни, хорошее знание окружающего пространства и «законов», по которым живет данное сообщество. Таким образом, проявляются разнонаправленные ценностные ориентиры и представления современных жителей русской провинции: от следования культурным образцам, которые порождаются

в столицах и крупных центрах, до сознательного стремления к сохранению традиций провинциальной среды.

Активные представители провинциального сообщества способны стать той силой, которая, осуществляя культурные проекты локального уровня, придаст его динамике новый импульс и позитивные ценностные ориентиры. Задача местной власти – создавать благоприятный климат и условия для реализации творческого потенциала имеющихся субъектов культурной активности и формировать условия для появления новых творческих сообществ.

Для реализации эффективной культурной политики на местах, на наш взгляд, необходимо четкое *определение стратегических целей* развития локального культурного мира с учетом конструктивных общероссийских тенденций и условий культурной глобализации. Отсутствие внятных и привлекательных для населения целей общественного развития России приводит к разобщенности в деятельности учреждений культуры, а также к дезориентированности и отчужденности местных жителей от своего социокультурного пространства. Зачастую практика показывает отсутствие на местах целостного видения целей и задач локальной культурной политики или ее трактовку преимущественно как инструмента исполнения федеральных и региональных инициатив. Тогда как при профессиональном подходе возникают самобытные провинциальные практики и бренды, развивающиеся в контексте творческих индустрий самого широкого спектра.

В связи с этим, укажем на *необходимость развития экспертно-аналитической деятельности в сфере культуры* [32], которая призвана не только реально оценить культурный потенциал провинции, но предложить пути выхода из сложившейся ситуации и возможные варианты развития территории на основе актуализации ее культурно-исторических особенностей. К экспертным оценкам чаще всего прибегают местные органы государственной власти и представители бизнеса, а также зарубежные аналитические центры. При взаимодействии с властными структурами важна независимость и отсутствие политической ангажированности эксперта. Только в этом случае можно ожидать объективных оценок и неформального подхода к исследованию. При этом экспертиза выступает и как механизм адаптации зарубежных культурных программ и технологий к отечественным социокультурным условиям.

Результативность экспертно-аналитической деятельности основывается на взаимодействии профессионалов-экспертов (зарубежных, столичных, из крупных центров, других регионов) с представителями местного сообщества, которые в полной мере владеют ситуацией в культурном

пространстве провинции, но не обладают опытом оценки социокультурного потенциала и проектирования его инновационного использования. О.Н. Астафьева указывает на эвристические возможности экспертно-аналитической деятельности культурологов, способной выйти за рамки действующих стереотипов и обыденного опыта [5, с. 10]. Деятельность экспертов в провинции может выступать, с одной стороны, как часть системы государственно-общественного регулирования сферы культуры, а с другой – формировать новые компетенции представителей местного сообщества, направленные на поиск путей развития локального культурного пространства и реальную оценку осуществляемых социокультурных проектов.

Однако обращение к независимому экспертному культурологическому сообществу пока не стало неотъемлемой частью региональных и местных программ развития культуры. Тогда как участие экспертов может способствовать не только аналитической оценке провинциального потенциала, но и четкой алгоритмизации процессов осуществления проектов, а также выявлению различных издержек и мер по их своевременному устранению. В конечном итоге работа экспертов-аналитиков производит прямой экономический эффект, обусловленный системной концептуализацией проблемы и предлагаемыми альтернативами развития культурного пространства провинции.

Еще одной актуальной проблемой культурной политики как федерального, так и местного уровня выступает *слабое развитие взаимодействия между областью культуры и сферой бизнеса*. Во многом это происходит в результате сохранения стереотипа о враждебности «подлинной» культуры как результата свободного творчества и предпринимательства, основанного на коммерческих началах. Однако результаты творческой деятельности издавна выступали объектом экономических отношений (вспомним работы мастеров-живописцев или труды писателей, объекты декоративно-прикладного искусства и т.д., которые выполнялись на заказ и свободно продавались, не теряя при этом своей духовной и художественной ценности). Отличаясь высокими духовными, эстетическими, художественными качествами, они обретали реальную материальную ценность, обладание которой придавало ее владельцу общественный престиж.

Вместе с тем, существенным ограничением взаимодействия бизнес-сообщества и сферы культуры выступает *несовершенство правового поля* в данной области, которое усугубляется слабостью самого малого и среднего бизнеса, практически не имеющего традиций участия в культурной жизни на местах. Отсутствие четкого законодательно регламентированного процесса порождает нерешительность со стороны предпринимателей

и инерционность со стороны государственных структур. В этих условиях очевидной является необходимость поиска путей взаимодействия местного сообщества и бизнес-структур, которое должно развиваться на взаимовыгодных условиях, соблюдая интересы провинции.

Один из актуальных вопросов культурной политики настоящего времени касается проблемы совместного использования культурного наследия провинции на основе *государственно-частного партнерства* (ГЧП) / *Public-Private Partnership* (PPP). Государственно-частное партнерство предполагает совместную реализацию частным и государственным сектором общественно значимых проектов на основе распределения рисков. Для государства оно является инструментом повышения эффективности услуг, предоставляемых его структурами, а для бизнеса – возможностью долгосрочных малорискованных вложений капитала. Государственно-частное партнерство может осуществляться в таких формах, как концессия, аутсорсинг, передача отдельных функций учреждений культуры управляющим компаниям и др.¹ Как отмечает председатель подкомитета по развитию государственно-частного партнерства Комитета Госдумы Федерального Собрания РФ по экономической политике и предпринимательству Х.М. Салихов, наряду с новыми механизмами есть уже отработанные формы ГЧП, основанные на договорах аренды государственного и муниципального имущества с инвестиционными обязательствами частного партнера в отношении реконструкции и модернизации арендованного имущества [24]. Они уже получили распространение в культурной практике на местах.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. развитие механизмов государственно-частного партнерства обозначено как одно из приоритетных направлений для достижения качественных результатов в культурной политике России. Оно развивается на основе еще формирующейся законодательной базы (своеобразным юридическим парадоксом является отсутствие четко закрепленного в законодательстве правового статуса государственно-частного партнерства). В частности, в последней редакции закона «О концессионных соглашениях» [29] к отраслям (сферам) использования концессионных соглашений отнесены объекты образования, культуры, спорта, объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма, иные объекты социально-культурного

¹ К осмыслению проблем государственно-частного партнерства обращаются современные исследователи в рамках диссертационных работ [2; 6 и др.].

назначения, что позволяет развивать новую форму государственно-частного партнерства.

Государственно-частное партнерство может стать одним из значимых путей развития культурного пространства провинции. Представляется, что проекты в рамках государственно-частного партнерства выглядят более привлекательными для представителей провинциального бизнес-сообщества, нежели спонсорско-фандрейзинговая модель взаимодействия со сферой культуры. Ограниченность ресурсов частного бизнеса в провинции может быть преодолена путем долевого участия группы предпринимателей в качестве единого субъекта партнерства. Это, в свою очередь, повлечет за собой активизацию механизмов самоорганизации в местной бизнес-среде, объединяющейся для решения общественно значимых вопросов.

Пока эти процессы развиваются сложно, имея единичные примеры в силу новизны самих проектов и слабости предпринимательской среды в области культуры, неготовности бизнес-сообщества к долгосрочному сотрудничеству с государством, требующему значительных капитальных вложений.

Однако несправедливо будет полностью отрицать попытки изменить сложившуюся в провинции ситуацию на основе ее культурного потенциала. Примером использования многообразия местных ресурсов, которые открывают новые возможности, могут служить инициативы Министерства культуры Московской области по развитию инновационных форм взаимодействия в области культуры. Ниже более подробно рассмотрим сложившуюся в Московской области модель развития локальных культурных ресурсов, малых городов и различных творческих инициатив. Обобщение и учет данного опыта при разработке местной культурной политики может оказаться продуктивным и для других территорий, несмотря на особое положение области, обусловленное близостью Москвы и ее непосредственным влиянием. При этом отметим, что в Подмосковье ярко выражены «зоны» влияния столицы в зависимости от расстояния до малого города, степени его исторического значения и известности.

В рамках подмосковной модели развития сферы культуры выделим несколько направлений.

Инновационная деятельность традиционных учреждений культуры, сотрудники которых в современных условиях обращаются к поиску и реализации новых форм работы, способных привлечь население. Так, Центральная городская библиотека им. А.С. Горлового в Сергиевом Посаде ведет активную работу с местными жителями в режиме живого

общения, проводя целый ряд востребованных мероприятий и поддерживая свой сайт.

Развитие творческих индустрий. Данное положение нашло подтверждение в ходе проведения ярмарки «Творческие индустрии Подмосковья» (состоялась в июне 2010 г. на площадке Московского областного дома искусств «Кузьминки»), в которой приняли участие около 50 предприятий творческих индустрий не только Подмосковья, но и соседних областей. Например, Коломенский центр познавательного туризма в рамках некоммерческого партнерства «Город-музей» развивает бренд «Коломенская пастила – музей исчезнувшего вкуса» под девизом «Попробуй историю на вкус», опираясь на местные традиции производства пастилы и представляя собой объект экономики переживаний. В рамках проекта воссоздано традиционное производство пастилы, вокруг которой построен этот оригинальный туристический продукт (в том числе пастила предлагается к продаже в специальной красочной упаковке).

Становление государственно-частного партнерства. Примером служит усадьба Столыпиных/Лермонтовых «Середниково», которая за довольно непродолжительное время стараниями Правительства Московской области и Ассоциации «Лермонтовское наследие» превратилась из погибающего объекта в достойное место отдыха и развлечения, основанное на культурных традициях этого локального пространства. Здесь проходят праздники и семинары, свадьбы и конференции, оживляющие усадебные пейзажи.

Вопросы государственно-частного партнерства по инициативе научного сообщества и Правительства Московской области обсуждаются в рамках научно-практических конференций¹, вызывающих интерес как в культурно-образовательной среде, так и среди представителей бизнес-сообщества.

Формирование целостного туристического комплекса Подмосковья. Данное направление развивает туристические ресурсы, которые были малоизвестны или использовались не в полной мере имеющихся возможностей. Так формируется проект туристическо-гостиничного комплекса «Дачный поселок XIX века. Дальний пруд» в Мелихово. Отметим и инно-

¹ Первая Межрегиональная научно-практическая конференция «Государственно-частное партнерство в сфере культуры: модели сотрудничества» состоялась 16–17 сентября 2009 г. в подмосковной усадьбе «Середниково», Вторая Межрегиональная научно-практическая конференция «Развитие государственно-частного партнерства в отрасли культуры – теория, реальность, перспективы» была проведена 11 августа 2010 г. в музее-усадьбе «Лопасня-Зачатьевское».

вационные формы работы этой усадьбы, связанной с жизнью и творчеством А.П. Чехова: театральные фестивали, декорациями к спектаклям которого зачастую выступают усадебные уголки и пейзажи; моноподродная выставка собак «Таксы Чехова», которая привлекает как профессионалов-заводчиков, так и просто любителей животных.

В целом на базе объектов культурного наследия – «усадебного кольца» Подмосковья – разрабатываются инновационные проекты по развитию сети рекреационных комплексов.

Все указанные направления развиваются в тесной взаимосвязи и обуславливают друг друга, опираясь на инновационные механизмы сотрудничества государства и бизнеса, лежащие в основе региональной культурной политики нового качества. Как отметила заместитель министра культуры Правительства Московской области С.Н. Горюшкина в своем выступлении на III Российском культурологическом конгрессе, «...в стране наметился переход от понимания сферы культуры как “затратной части бюджета” к признанию эффективности инновационных моделей, в которых культура выступает ресурсом регионального и муниципального развития» [10, с. 409].

Может показаться, что позитивное направление подмосковной культурной политики связано исключительно с особым статусом столицы. Однако русская провинция, более удаленная от Москвы, также нередко демонстрирует успешные проекты, осуществляемые в рамках региональной и муниципальной культурной политики. Остановимся на некоторых из них.

Примером государственно-частного партнерства, реализуемым в провинциальном культурном пространстве, является проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза», возникший в 1998 г. по инициативе администрации Вологодской области и Правительства Москвы и поддержанный рядом коммерческих структур, расположенных в регионе. В настоящее время недалеко от Великого Устюга создан крупный туристический центр – «Вотчина Деда Мороза», предлагающий насыщенную программу в течение всего года. В результате деятельности ОАО «Дед Мороз» построены Дом Деда Мороза, почта, музей, мастерские, сувенирная лавка, гостиничный комплекс и парк развлечений «Двенадцать месяцев» во владении Деда Мороза. Недолгая история существования этого проекта уже привела к формированию узнаваемого бренда территории и заметному росту туристического потока на Вологодчину.

Еще одним проектом, демонстрирующим возможности региональной культурной политики, выступает комплексный план развития локальной территории на основе культурного наследия под рабочим названием

«Есенинская Русь», инициированный Правительством Рязанской области, поддержанный местными жителями и представителями бизнес-сообщества [31, с. 410]. Главным звеном этого проекта выступает государственный музей-заповедник С.А. Есенина, который после смены менеджмента активно осваивает «живые» формы работы, расширяя перечень предоставляемых услуг. Учитывая заинтересованность областного Правительства, инвестиционную привлекательность проекта и профессионализм менеджмента музея, можно предположить в недалеком будущем рост туристического потока и развитие провинциального культурного пространства на основе актуализации творческого потенциала местного сообщества.

Таким образом, в современных условиях общественных трансформаций культура выступает как доступный ресурс локальной экономики и действующий агент провинциального развития. Важным направлением культурной политики является институционализация сотрудничества коммерческих и некоммерческих региональных и локальных субъектов в рамках федерального и местного законодательства. Наблюдается возможность формирования культурно-образовательных и туристических кластеров провинциальных городов на основе имеющегося культурного наследия, природно-экологических ресурсов и потенциала самоорганизации местного сообщества. Это взаимодействие способно активизировать связи по линии провинция – провинция и провинция – село и косвенно повлиять на значительное социокультурное пространство, объединив в единую сеть креативные ресурсы и творческий потенциал провинции.

При этом необходимо стимулировать предпринимательскую активность местного сообщества, в том числе и путем формирования павших экономических субъектов в рамках государственно-частного партнерства. Предполагаем, что развитие культурной сферы и социальной инфраструктуры провинции сможет остановить «вымывание» экономически активного населения и будет способствовать закреплению и притоку жителей, заинтересованных в реализации различных социокультурных проектов. Деятельность по социокультурному проектированию и внедрению различных научно обоснованных креативных инициатив приведет к позитивной трансформации трендов динамики российской провинции. В целом реализация региональной и муниципальной культурной политики способна сделать главным местным ресурсом творческую активность жителей провинции, что позитивно повлияет на состояние ценностно-смыслового комплекса отечественной культуры в целом.

Библиографический список

1. Аванесова Г.А., Астафьева О.Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика. М., 2004.
2. Амуц Д.М. Концессионный механизм государственно-частного партнерства в сфере социально-культурной инфраструктуры: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
3. Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Синергетика: будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. М., 2008.
4. Астафьева О.Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность // Культурологический журнал. 2010. № 2. URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3 (дата обращения: 20.08.2011).
5. Астафьева О.Н. Экспертно-аналитическая деятельность в системе профессиональных компетенций культуролога // Культура и культурная политика / Под общ. ред. В.К. Егорова, О.Н. Астафьевой. Вып. 6–7. М., 2009.
6. Бараблина Э.К. Управление развитием государственно-частного партнерства в сфере туризма: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
7. Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России. М., 2002.
8. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: Дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007.
9. Гнедовский Б.М. Культурная политика в России: пространство возможностей // Санкт-Петербург: многомерность культурного пространства. Материалы научно-практического форума, 29–30 октября 2008 г. / Под ред. С.А. Басова, А.С. Зонина. СПб., 2009.
10. Горушкина С.Н. Государственно-частное партнерство в сфере культуры: теоретические модели и практическая реализация // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2010. С. 409.
11. Жидков В.С., Соколов К.Б. Культурная политика. М., 2001.
12. Карпухин О.И. Культурная политика. М., 1996.
13. Костина А.В., Гудима Т.М. Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. М., 2007.
14. Культура и экономика: поиск новых моделей взаимодействия: Материалы и доклады научно-методологического семинара / Отв. ред. Н.В. Левичев, О.Н. Астафьева, Е.В. Никанорова. М., 2007.
15. Матарассо Ф., Лэндри Ч. Как удержать равновесие? 21 стратегическая дилемма культурной политики // Арт-менеджер. 2003. № 1. С. 2–12.
16. Межуев В.М. Культура и государство в перспективе демократического развития России // Культурные трансформации в современной России: социально-философский анализ / Отв. ред. С.А. Никольский. М., 2009. С. 15–38.
17. «Москва или провинция: где лучше жить?»: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1592 // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13854> (дата обращения: 20.08.2011).

18. О'Коннор Дж. Культурная политика как влияние. Экспорт творческих индустрий идет в Санкт-Петербург / Пер. с англ. // Творческие индустрии в России. М., 2004. С. 12–34.
19. Окунев Ю.П. Особенности современного развития культуры Русского Севера. Архангельск, 2006.
20. Пикок А. Экономика, культурные ценности и политика в сфере культуры // Экология культуры: Информац. бюллетень. Архангельск, 1998. № 2. С. 94.
21. Право и культура / Под ред. В.К. Егорова, Ю.А. Тихомирова, О.Н. Астафьевой. М., 2009.
22. Проект «Люди XXI»: Результаты опросов Фонда «Общественное мнение» // Официальный сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <http://bd.fom.ru/map/innovacyi> (дата обращения: 20.08.2011).
23. Савинков В.И. Коммуникативные стратегии культурной политики России: социологический анализ. М., 2011.
24. Салихов Х.М. Развитие государственно-частного партнерства в России. Законодательные аспекты // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2009. № 3 (40), октябрь. С. 81–86.
25. Сорочкин Б.Ю., Рубинштейн А.Я., Дудкин Е.А. Экономические основы культурной политики в современной России // Актуальные проблемы культурной политики современной России / Ред.-сост. Б.Ю. Сорочкин. М., 2008. С. 156–200.
26. Спивак Д.Л. Культурная политика в эпоху глобализации // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 4: Культурная политика / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2008. С. 5–17.
27. Тульчинский Г.Л., Шекова Е.Л. Менеджмент в сфере культуры. СПб., 2009.
28. Федеральная целевая программа «Культура России 2006–2011» // Официальный сайт Министерства культуры РФ. URL: <http://mkrf.ru> (дата обращения: 20.08.2011).
29. Федеральный закон «О концессионных соглашениях» в редакции ФЗ от 30 июня 2008 г. № 108-ФЗ.
30. Хангельдиева И.Г. Рифы современной российской культурной политики // Культура и рынок: современные тенденции / Сост. И.Г. Хангельдиева. М., 2009. С. 11–25.
31. Царева Е.Г. Креативные проекты по развитию территории: культурный туризм // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений / Отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб., 2010. С. 375.
32. Экспертно-аналитическая деятельность в структуре профессиональных компетенций // Культура и культурная политика / Под общ. ред. В.К. Егорова, О.Н. Астафьевой. Вып. 6–7. М., 2009. С. 9–98.

О.С. Морозова

Политико-коммуникационные процессы в политическом управлении

Статья посвящена анализу политической коммуникации как особому виду политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей. В современном мире политическая коммуникация выступает в качестве неотъемлемого элемента политического управления, от ее качества зависит успешность функционирования всей политической системы общества.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политические отношения, политическое управление, политическая система общества.

Различного рода аспектам политического управления посвящен широкий спектр исследований как политологической, так и управленческой проблематики. Эта проблематика является ключевой в понимании сложных вопросов функционирования политической системы.

Современный политический процесс представляет собой сложное, многоаспектное и разновекторное взаимодействие акторов всех уровней. Политическая коммуникация, в свою очередь, выступает как специфический вид политических отношений, посредством которого доминирующие в политике субъекты регулируют производство и распространение общественно-политических идей своего времени. Сегодня политическая коммуникация формирует политический мир, функционирующий по своим законам.

В этой связи представляет интерес теория К. Дойча, который впервые представил политическую систему как информационно-коммуникационную. Он предложил рассматривать политическую систему как сеть коммуникаций и информационных потоков. Модель политической системы Дойча состоит из четырех блоков, каждый из которых связан с различными фазами прохождения информационно-коммуникативных потоков:

- 1) получение и отбор информации;
- 2) обработка и оценка информации;
- 3) принятие решений;
- 4) осуществление решений с обратной связью [1, с. 18].

Политическая система принимает информацию через так называемые «рецепторы» (внешнеполитические – информационные службы и др., внутривнутриполитические – центры изучения общественного мнения), где

происходит селекция, систематизация и первичный анализ поступивших данных. На следующей фазе новая информация обрабатывается в рамках блока «памяти и ценностей», где сравнивается с уже имеющейся старой информацией и оценивается сквозь призму ценностей, норм и стереотипов. После чего органы государственной власти («центр принятия решений»), уже имея окончательное представление о том, насколько сложившаяся под воздействием информации новая политическая ситуация соответствует интересам и целям, принимают соответствующее решение по регулированию текущего состояния системы. И, наконец, «эффекторы» (исполнительные органы и др.) на последней фазе реализуют решения, результаты которых в виде новой информации по «обратной связи» поступают к «рецепторам» и, таким образом, система вступает в новый цикл функционирования.

Карл Дойч вывел три закономерности существования системы в процессе управления и координации усилий общества по достижению поставленных целей. Первая заключается в том, что при достижении цели возможность успеха обратно пропорциональна информационной нагрузке и запаздыванию реакции системы. Во-вторых, успешность функционирования системы зависит от величины приращения реакции на изменения, но при достижении порогового значения изменений эта закономерность становится обратной. В-третьих, успешная работа системы зависит от способности к упреждению, от способности правительства видеть перспективу и предпринимать необходимые действия в случае появления угроз достижению цели [1, с. 13].

Важнейшей является способность системы развивать популярные убеждения, взгляды и даже мифы, создавая символы и лозунги, маневрировать ими с целью поддержания и усиления необходимой легитимности во имя эффективного осуществления функций.

Формирование идеи национальной общности и складывание государств К. Дойч считал результатом процесса постепенной урбанизации и индустриализации общества, создающего более широкие возможности для коммуникации и, на ее основе, – для «социальной мобилизации». Причины дезинтеграции и гибели государств ученый рассматривал в постепенном ослаблении внутренней коммуникации между социальными слоями и исключении из нее низших слоев. Последние, лишаясь возможности реализовать свои интересы и повысить социальный статус, оказываются в конечном счете той силой, которая разрушает существующую систему либо дестабилизирует ее, делает уязвимой перед лицом внешних угроз. Образование наднациональных и межгосударственных объединений, согласно К. Дойчу, является средством противодействия

роста национализма в отдельных государствах, а также сохранения и совершенствования их социальных систем [2, с. 28].

Жизнедеятельность политической системы проявляется в процессе выполнения своих функций. Под функцией понимается любое действие, которое способствует сохранению и развитию данного состояния, взаимодействию со средой. Функции многообразны, отличаются непостоянством и развиваются с учетом конкретно-исторической обстановки. Они взаимосвязаны, дополняют друг друга, но вместе с тем относительно самостоятельны.

Сущностной стороной политико-коммуникационных процессов является передача, перемещение, оборот политической информации, тех сведений, которыми в процессе конкретной общественно-практической деятельности обмениваются (собирают, хранят, перерабатывают, распространяют и используют) «источники» и «потребители» – взаимодействующие в обществе индивиды, социальные группы, слои, классы. Политическая информация представляет собой совокупность знаний, сообщений о явлениях, фактах и событиях политической сферы общества. С ее помощью передается политический опыт, координируются усилия людей, происходит их политическая социализация и адаптация, структурируется политическая жизнь.

«Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [Там же, с. 67]. В рамках данного подхода проблемы эффективности взаимодействия коммуникатора и реципиента переносятся исключительно на изучение различных каналов, средств и способов передачи информации, содержания сообщений, оставляя процессы восприятия и ответного поведения индивидов фактически вне поля зрения.

Смысловой аспект политической коммуникации включает взаимодействие субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление и удержание. Он реализуется путем целенаправленной передачи и избирательного приема информации, без чего невозможно движение политического процесса. Посредством коммуникации передается три основных типа политических сообщений:

а) технологические сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между элементами политической коммуникационной системы;

б) информативные (реальные или вымышленные сведения, несущие основную смысловую нагрузку передаваемых сведений);

в) побудительные (вызывающие желание или понимание в необходимости каких-либо действий в соответствии с содержанием полученной информации).

Для рассмотрения политической коммуникации в качестве процесса базовая модель коммуникативного процесса была усовершенствована за счет введения принципиально важных для управленческих отношений элементов обратной связи.

Политические цели, преследуемые каким-либо политическим субъектом, требуют четкого подбора системы коммуникационных моделей, позволяющей участникам процесса коммуникации реализовать свои задачи.

Например, в диалоговой модели используется механизм обмена информацией в реальной коммуникационной сети. Характерное отличие диалоговой модели состоит в том, что она предполагает своеобразное «горизонтальное равенство» участников информационного обмена в противоположность «вертикальному» принципу «руководство – подчинение», присущему модели вещания. Несомненно, коммуникация подобного вида не исключает участия и более двух сторон (например, телефонная конференция, дискуссия на сайте сети Интернет и т. д.). Однако увеличение количества участников и, в частности, появление «ведущего» приводят к сближению данной модели с моделью вещания.

Консультационная модель также соотносится с большим числом ситуаций, при которых индивид, находящийся на периферии коммуникационной линии, ищет необходимые сведения в центральном информационном хранилище (сервер или иной банк данных, в наиболее простом варианте – работа с книгами, газетами и иной печатной продукцией в библиотеке). Это позволяет качественно улучшить модель политической коммуникации. В отличие от модели вещания здесь место и время консультации, а также тема сообщения определяются не центром, а периферийным пользователем, обладающим максимальной свободой.

Регистрационная модель движения информации является противоположностью консультационной модели. В ней центр запрашивает и получает информацию от периферийного источника. Данная модель применяется, например, в случае, когда индивиду закрыт доступ к центральному банку данных, а также при автоматической записи телефонных сообщений во всех системах электронной сигнализации и наблюдения. При этом сосредоточение информации в центре нередко происходит помимо желания индивида или без согласования с ним. Хотя данная схема исторически не нова, ее возможности значительно возросли вследствие компьютеризации и расширения телекоммуникационных сетей.

Типичным для регистрационной модели является то обстоятельство, что центр имеет больший контроль над определением направления информационного потока, чем находящийся на периферии коммуникационной сети индивид.

Наметившаяся тенденция модернизации моделей политической коммуникации, основанной на переходе от «вещания» к подлинно демократическому диалогу между «управляющими» и «управляемыми» предполагает равноправный обмен точными, полными, завершенными и проверяемыми сведениями о политических явлениях и процессах, сопрягаемыми с основными цивилизационно-культурными ценностями данного общества, фундаментальными правами и свободами личности.

Такая модель предполагает возможность открыто выражать свое мнение, свободу искать, получать и распространять различного рода информацию и идеи, если они не противоречат гуманистическим принципам. Нет сомнения в том, что современная теория политической коммуникации в политическом управлении должна развиваться как наука и искусство достижения гармонии, координации интересов общества, его групп и индивидов посредством взаимопонимания, основанного на взаимоуважении и информированности.

Библиографический список

1. Karl W. Deutsch. Politische Kybernetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969.
2. Tiggun. Kybernetik und Revolte. Zuerich – Berlin, 2007.

Андреева Елена Александровна – кандидат искусствоведческих наук; доцент кафедры художественного образования, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: miss.anastasia-andreeva@yandex.ru.

Балашова Мария Владимировна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории, Рязанский государственный радиотехнический университет. E-mail: balaschovam@yandex.ru.

Василенко Тимофей Андреевич – аспирант кафедры математических методов в экономике Института физико-математического и информационно-экономического образования Новосибирского государственного педагогического университета; преподаватель кафедры математических методов в экономике Института физико-математического и информационно-экономического образования, Новосибирский государственный педагогический университет. E-mail: timofey_mail@mail.ru.

Долгоаршинных Наилия Ахатовна – кандидат педагогических наук; начальник Регионального научно-методического центра экспертной оценки педагогической деятельности, доцент кафедры развития образования, Педагогическая академия последипломного образования. E-mail: nelli_dol@mail.ru.

Крайнова Любовь Николаевна – аспирант кафедры всемирной истории Восточно-Сибирской государственной академии образования; учитель истории, обществознания и географии, школа-интернат для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, с углубленным изучением музыки г. Иркутска. E-mail: krainovalyubov_75@mail.ru.

Кульков Евгений Николаевич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Центра истории войн и геополитики, Институт всемирной истории РАН. E-mail: eugen838@rambler.ru.

Купцова Ирина Александровна – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры истории и культурологии, МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: ki-06@list.ru.

Маланова Анна Валерьевна – аспирант кафедры всемирной истории Восточно-Сибирской академии образования. E-mail: avmalanova@mail.ru.

Морозова Ольга Сергеевна – кандидат политических наук; доцент кафедры государственного и муниципального управления, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина. E-mail: mos2309@mail.ru.

Суржик Дмитрий Викторович – аспирант Центра истории войн и геополитики Института всемирной истории РАН. E-mail: dimsu@inbox.ru.

Шимонова Наталия Викторовна – аспирант кафедры зарубежной истории МГГУ им. М.А. Шолохова. E-mail: rossetty@yandex.ru.

E. Andreeva

Architectural Office of the Imperial Academy of Arts
in the late 19th century

The article describes the process of teaching in architectural class of the Imperial Academy of Arts in the late 19th century. Special attention is paid to the methods of teaching architecture disciplines and work to develop competitive academists on projects submitted for the small and big Medals of the Academy.

Key words: Imperial Academy of Arts, architecture, architectural style program, training, contest project.

M. Balashova

Local public participation as a driver of social modernization

The article deals with the issue of modernization as an essential part of the modern political process in Russia. Municipal Institute of Public Participation is declared as the source of modernization of development, that means participation of people in the local government in Russia.

Key words: social modernization, political process, local government, public participation, territorial public self-government.

N. Dolgoarshinnykh

History of art education in Russia at the beginning
of the 20th century and the International Union
of teachers of drawing

The abstract provides a summary of the key features of development of school art education in Russia at the beginning of the 20th century in terms of the influence of the International Union of teachers of drawing activity. The article is based on the analysis of the materials published in the journal “Newsletter of Teachers of Drawing” in 1905–1909.

Key words: school art education, International Union of teachers, Teachers of drawing community, summer programs for teacher of drawing in 1906–1908.

L. Krainova

The administrative structure and economic activity of Lama datsans in Eastern Siberia from the middle of the 19th century to the early 20th century in accordance with «Regulations on Buddhist Eastern Siberia» in 1853

«Regulations on Buddhist Eastern Siberia» in 1853 controlled Lama datsuns in this territory in the 19th and early 20th centuries. The 1853 «Regulation» regulated the number and order of selection and appointment of Lama priests in positions of subordination to secular authority. Strict limits and rules of construction and maintenance of datsuns and their economic activity were also introduced.

Key words: «Regulation of Buddhist Eastern Siberia» in 1853, the Buddhist clergy, Bandido Hambo, Shiretui, Geluny, gelutsy, datsans, Sume, datsan economy, datsun elder.

D. Kupryazhkin

Tendencies of European union financial system development: experience of European central bank in the open market at the end of the 20th century

The author examines the experience with various financial transactions in the European open market in the 1990s. European central bank is viewed as the institution that performs financial functions as well as legislative power. Financial operations of European central bank are considered as the instruments of money-and-credit policy.

Key words: European Central Bank, money-and-credit policy, open market, European system of central banks, the TARGET system.

I. Kuptsova

Cultural policy and the potential of self-organization of Russian province

The article presents analysis of some peculiarities of state realization of cultural policy in Russia in the conditions of sociocultural provincial environment. The author defines potential of self-organization of modern provincial culture and the main trends of its positive development.

Key words: cultural policy, Russian province, provincial culture, self-organization of culture.

A. Malanova

The Manchu government of Russian-Mongolian relations in the XVII–XIX centuries

The article is devoted to the process of establishing the Manchu government of Russian-Mongolian relations in the XVII–XIX centuries. The supreme body governing the Russian-Mongolian relations was the Chinese tribunal for External Relations. At the middle level of the Russian-Mongolian relations were Urga Ambani. Cross-border contacts in the area of Kyakhta were carried out through dzargucheya.

Key words: Northern Mongolia (Khalkha), Qing Empire, Manchu, Mongolian-Russian relations, Lifanyuan (Tribunal for Foreign Affairs), amban', Maymachen, dzarguchey.

O. Morozova

Political-communication processes in political management

The article is devoted to the analysis of political communication as a special kind of political relationship through which dominating subjects in politics regulate creation and distribution of socio-political ideas. Nowadays political communication serves as an integral part of political management and the whole success of the political system depends on its quality.

Key words: political communication, political relationship, political management, political system of a society.

N. Shimonova

On the preparation of the allied forces of Great Britain and Russia to the Dutch expedition of 1799

The article describes the preparation of the English and Russian sides in a military expedition to Holland in 1799, planning attacks, the number of troops provided by each party, and the search for a military alliance with Sweden. We used unpublished documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire. The author concludes that the plans of England and Russia in preparation for the Dutch expedition were similar, and the development of various plans to attack played a role later, when the military campaign had been launched.

Key words: Dutch expedition in 1799, the island Valheren, Lord William Grenville, Charles Whitworth, Paul I, George III, Russia's and Great Britain's foreign policy in the late XVIII, the Second anti-French coalition.

M. Shmatova

The evaluations of anarchist tendencies in Russian revolutionary movement by the "Nabat" journal

The article presents analysis of the anarchist situation (M.A. Bakunin's followers) in revolutionary movement by the "Nabat" journal. It gives attention to the use of program documents and theoretical works of archaists by the journalists. Such attitude of the "Nabat" editorial staff is connected with the anti-statist focus of its revolution concept and denial of the importance of any government.

Key words: journal "Nabat", P.N. Tkachyev, M.A. Bakunin, Russian anarchism, anti-statism, revolution, socialism, government, dictatorship.

D. Surzhik, E. Kulkov

Occupational policy of fascist aggressors and plans of Soviet Union destruction

Occupational policy of Nazi Germany on the temporary occupied soviet land was one of the instruments of reaching their main goal – destruction of soviet government and mass homicide of population that was not fit to be workforce. Two allies – Romania and Finland were invited by Hitler to the division of the occupied USSR land. They also took an active part in spreading terror and robbing soviet property. The article is focused on the analysis of reasons, ways of realization and consequences of the aggressor's occupational policy.

Key words: Nazi Germany, Nazi Romania, Nazi Finland, aggressors, occupational policy, Second World War, genocide.

T. Vasilenko

Modern issues of human potential development in Russia

The article presents three groups of problems of development of human potential in Russia that are connected with its economy, education and public health. Each group is defined by its main directions and ways of salvation. The article in general is focused on the concept of human potential, basic index of its measurement and the constituents of its index.

Key words: human potential, index of human potential development, innovative economy, problems of development of Russia.

Памятка автору статьи, представленной для публикации
в ВЕСТНИКЕ МГГУ им. М.А.Шолохова

Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов) в формате Word.

На первой странице указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень, звание (если имеются); место учебы или соискательства (полное название в именительном падеже); должность; место работы; контактный телефон (мобильный, в журнале не публикуется, необходим для связи редакции с автором); E-mail.

Затем следует заглавие, аннотация статьи (8–10 строк) и ключевые слова (не более 10).

Резюме на английском языке должно включать: название статьи; фамилию, инициалы автора(ов); аннотацию, ключевые слова.

Объем статей не должен превышать 30 000 знаков, включая пробелы (т.е. 16 типовых машинописных страниц), а объем рецензии или отзыва на книгу – 3 страниц. Помимо бумажного, необходимо представить электронный вариант:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman;
- формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- чертежи, графики, диаграммы, схемы должны быть выполнены с учетом возможностей черно-белой печати (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов);
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – не менее 2,5 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывать;
- абзацный отступ – 1,25 см;

- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в квадратных скобках, при цитировании необходимо указывать номер страницы;
- библиографический список располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала идет литература на русском языке, затем – на иностранном).

К предлагаемым для публикации статьям прилагается отзыв научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Редакционная коллегия проводит независимое рецензирование.

Автор гарантирует соответствие содержания файла на электронном носителе бумажному варианту.

Контактная информация

Редакция расположена по адресу:
109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16–18, комн. 223.

Тел.: (495) 647-4477, доб. 11-351 – главный редактор РИЦ Алексеева Алла Александровна, редактор Козаренко Лика Александровна.

E-mail: izdat_mgoru@mail.ru.

Издание
подготовили
к печати
сотрудники
редакционно-
издательского
центра
Редактор –
А. А. Козаренко
Корректор –
А. А. Алексеева
Обложка, макет,
компьютерная
верстка
М. В. Кантакузен

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. А. ШОЛОХОВА

Серия «История и политология»
2011.3

Электронная версия журнала: www.mgoru.ru

Сдано в набор 25.09.2011 г.
Подписано в печать 29.09.2011 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 7,5 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____
Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ФГНУ «Росинформагротех»,
141261, Московская обл., пос. Правдинский, ул. Лесная, д. 60.